

ЛИСАНДР

N

O

TREASON

HE

ИЗМЕНА

СПУНЕР

are asked to work as hard for the workers as the workers work for them; and that they will not do. Many of them have got to the point of being willing to sacrifice almost anything for the poor, except the power and practice of robbing them. Nevertheless that is what they must sacrifice now, if they would avert another failure of human society. Such failures, though not absolutely irretrievable, are very tedious. The human race has hitherto never succeeded in establishing a permanent social state. They tried on a large scale in Egypt; but the experiment, after progressing hopefully for centuries, collapsed. They tried again in Greece with some valuable results, but with the same end. Then Rome tried her hand, and made a tremendous mess of it. Now we are trying, and, so far, are doing worse even than the Romans. Every reformer has his pet reason for the decay of these civilizations; and I will not assert that luxury and slavery rotted away the foundations of them all. But I may at least claim that luxury and slavery did not prove so beneficial that we need apprehend much danger from ridding ourselves of them.

The main difficulty of the Socialist is not, however, in convincing people that the present condition of society is a bad one. Intelligent members of the proprietary classes admit that when the life of the masses is described to them. The lower classes know it by experience without being told. It is even possible to obtain general assent to the proposition that the millennium is incompatible with private property. But the mass of the people—particularly those who are not in absolutely wretched circumstances—are loth to move, and afraid of the unknown that lies at the other side of change. They admit that they are ill; but when the Socialist prescribes exercise—violent exercise sometimes—they peevishly demand a remedy of the patent medicine description. "Give us something definite," they say; "what is it that you are driving at?" "Abolish private property in land, and prevent the employment of the means of production as capital," replies the Socialist. "That is definite enough; is it not?" "But how are you going to do it?" persists the other. At this the Socialist loses his temper. "I am not going to do it," he retorts. "We are going to do it; and the ways and means must be settled by us in council when we have made up our minds on what we have to do. If you choose to sit down and let other men decide on a plan, you will probably find, when it is put into practice, that your interests have been overlooked—and serve you right too. If you have no ideas on the subject, that only proves that you have never read the works of the men whose schemes you were sneering down as Utopian the day before yesterday." The Socialist then recommends Engels and other German authors to his assailant, who probably does not know German. So he falls back on the sacredness of private property, and declares that, after all, a man has a right to do what he likes with his own.

This alleged right of a man to do what he likes with his own is the private property principle which the Socialist attacks. It is already obsolete except in the case of land and the means of production. Property in other things is subject

have to be accomplished by will have to overcome the masses will acquiesce; and as a class. But the propriety explicitly declares that they persons from Socialism by to shed their blood. Unfortun the public to bloodshed. R nothing to which men so rapidly develop a taste for it. When tice in fighting for our bound little of fighting against them Civil war is horrible; but we our city slums; and an opportunity with wounded men instead of women, would be an absolute of corpses would be about the be less prolonged; whilst ex the place of dullness and dejection, constantly tempt the p influence of those who would follow the battle have been harder to stay those who intimidation. We know the but not their effects. We raise the temperature of war will boil; and we know just the liberty of the press and the mite will explode. Russia a fact; and we, in a truly scientific experimentally in Ireland. No spectable and formidable by he left entirely to the poor, to suppress it by such means in Austria and Ireland. Dynamite will follow cruelty. Cruelty mite will follow cruelty. another from atrocity to atrocity, instead of interfering and complying with ignorance who devote the first half of their tards "dastardly wretches," ing for more dynamite in the our liberty and further license other hand, the middle class understand this question, they is just in Socialism, and to c No English government dare declare a Minor State of Siege; result is that the Radical party shoes as the dynamitards do. Class will raise the Socialists Minor Siege, and consequently large numbers. When a Revolution are within the Revolutionary avert bloodshed: those who

an enlightened minority. They actively resistance of the proprietors. If this be once done, the proprietors will no longer expectors may fight: Lord Bramwell will fight. They scare many threatening to compel Socialists fortunately they are accustoming revolting as it is at first, there is idly grow habituated: they even we have had a little more prae-dictors abroad, we will think at home should occasion arise. have suppe full of horrors in en, well-ventilated battle-field, of rickety children and starving e improvement. The proportion e same, and the suffering would excitement and hope would take spair. These humane considera-or to violence, and weaken the d restrain them until the steps to thoroughly debated. It is still would hasten a revolution by e cause of dynamite explosions, know, for example, that if we ter to 212 degrees Fahrenheit, it as certainly that if we destroy he right of public meeting, dyna-and Austria first discovered this ntific spirit, have verifed it: ex-ow if Socialism be not made re-ly the support of our class—if it hen the proprietors will attempt ures as they have already taken namite will follow. Terror will will follow terror. More dyna-Both sides will thus drive one ocety solely because we, the mid-ing on behalf of justice, sit quak-erant and cowardly journalists an article to calling the dynami-' and the second half to clamor-e shape of further restriction of use to our oppressors. If, on the s will educate themselves to un-y will be able to fortify whatever rush whatever is dangerous in it. re enact a Coercion Law or de-against the Radical party. The rty never makes us shake in our o. I trust then that the Middle s above the danger of Coercion, t Dynamite, by joining them in evolution approaches, those who rty party can do something to hold aloof can only provoke it.

"In many respects the best Anarchistic work produced in America."—E. C. WALKER.

## CO-OPERATION.

### I.

#### Its Laws and Principles

By C. T. FOWLER.

A PAMPHLET of 28 pages, with a fine portrait of HERBERT SPENCER as a frontispiece; showing logically, vividly, and eloquently Liberty and Equity as the only conditions of true co-operation, and exposing the violations of these conditions by Rent, Interest, Profit, and Majority Rule.

### II.

#### The Reorganization of Business.

By C. T. FOWLER.

A PAMPHLET of 28 pages, with a fine portrait of RALPH WALDO EMERSON as a frontispiece; showing how the principles of co-operation may be realized in the Store, the Bank, and the Factory.

Six Cents per Copy; Two Copies, Ten Cents.

Address: BENJ. R. TUCKER,

Box 3366, Boston, Mass.

## A FEMALE NIHILIST.

BY

STEPNIAK,

Author of "Underground Russia."

A pamphlet of twenty-five pages, giving a thrilling sketch of the character and adventures of a typical Nihilistic heroine.

Price, Ten Cents.

Address the publisher, BENJ. R. TUCKER,

Box 3366, BOSTON, MASS.

## LIBERTY'S LIBRARY.

For any of the following Works, address,

BENJ. R. TUCKER, Box 3366, Boston, Mass.

**WHAT IS PROPERTY?** Or an Inquiry into the Principle of Right and of Government. By P. J. Proudhon. Prefaced by a Sketch of Proudhon's Life and Works, and containing as a Frontispiece a fine steel engraving of the Author. Translated from the French by Benj. R. Tucker. A systematic, thorough, and radical discussion of the institution of property,—its basis, its history, its present status, and its destiny,—together with a detailed and startling exposé of the crimes which it commits, and the evils which it engenders. 500 pages octavo. Price, cloth, \$3.50; full calf, blue, gilt edges, \$6.50.

**THE RADICAL REVIEW:** Vol. I., handsomely bound in cloth, and containing over sixty Essays, Poems, Translations, and Reviews, by the most prominent radical writers, on industrial, financial, social, literary, scientific, philosophical, ethical, and religious subjects. 828 pages octavo. Price, \$5.00. Single numbers, \$1.15.

**TRUE CIVILIZATION:** A Subject of vital and common interest to all people, but most immediately to the Men

ЕСТЕСТВЕННОЕ  
ПРАВО  
ПРОТИВ  
ДИКТАТУРЫ  
ЗАКОНАЛисандр  
Спунер

Североамериканский анархизм прошел удивительный путь развития от реформистских групп радикальных интеллектуалов Новой Англии в начале XIX века — к авангарду «классовой войны» в конце столетия, прежде чем сойти с большой сцены в божественное подполье после разгрома рабочего движения в период Первой мировой войны. Удивительный симбиоз интеллектуальной традиции революционной демократии, художественных и этических идей модернизма с антропологическими и психоаналитическими концепциями, возникший в рамках анархо-пацифистского дискурса, помог американ-

АЛЕКСАНДР

ским анархистам пережить кризис послевоенной эпохи и, сбросив с себя груз вульгарной «левизны», доставшийся в наследство от слишком властных шестидесятников, вновь заявить о себе в середине 1980-х. «Битва в Сизтле» 1999-го, «Occupy Wall Street» 2011-го, антирасистские протесты 2020-го и создание «Автономной зоны Капитолийского холма» (CHAZ) — за последние двадцать лет анархизм никогда не пропадал с политической повестки дня надолго. Каждому из этих событий предшествовала большая теоретическая и практическая работа, о чем красноречиво свидетельствует постоянно растущее число новых анархистских кооперативов, активистских групп и публицистов, своим примером вдохновляющих продолжать социальные и экзистенциальные поиски по ту сторону Системы.

Прежде чем приступить к изучению анархистских концепций американских мыслителей, мне бы хотелось обратить внимание на несколько историко-культурных факторов, без учета которых их дискурсивные особенности

могут вызвать недоумение у современного читателя, принадлежащего к другой социально-политической традиции. [REDACTED]

Во-первых, США — это страна, появившаяся в результате революции, ставшей первым примером успешной антиколониальной Войны за независимость (1775–1783). Молодые демократы, возглавившие борьбу с не учитывавшей интересов колоний метрополией, руководствовались в своих действиях идеалами европейского Просвещения. Сохранить им верность считалось необходимым и в период государственного строительства. Какими были эти идеалы? Прежде всего, уважение к человеческой личности и ее интеллектуальной автономии (религиозная терпимость); неприятие любых форм политического авторитаризма и стремление к социальному равенству; революционный республиканизм, требующий, чтобы местное всегда было основой для всеобщего; соблюдение «естественных прав» человека — на жизнь, свободу и собственность (по Джону Локку) — в качестве гарантии гармо-

ничного сосуществования индивидов. Из этого источника черпали вдохновение самые непримиримые американские революционеры середины XVIII века. Нельзя не заметить элементы дискурса Просвещения в аргументации полемических памфлетов Томаса Пейна (1737–1809) и Томаса Джефферсона (1743–1826), в которых они защищают право народа на восстание против правительства, отстаивают концепцию «минимального государства», призывают к «демократической недоверчивости» или обсуждают со своими союзниками проблему полного роспуска армии. Находясь внутри просветительской парадигмы, пионеры американской политической мысли сформировали новые критерии оценки социально-экономической и политической реальности, предполагающие постоянное расширение личной свободы индивидов и достижение общественной справедливости. Трудно описать, сколь огромным было влияние американской революции на мир. У нее учились французские бунтари «третьего сословия», готовясь к борьбе, которой было

суждено навсегда изменить европейскую политику. К ней за примерами, 6 подтверждающими, что свобода регионов не противоречит культурному и экономическому развитию, обращались Бакунин и Кропоткин, отстаивая важность федерализма в социалистическом обществе. [REDACTED]

Во-вторых, нельзя забывать, что отцы-пилигримы, прибывшие на континент для того, чтобы начать жизнь с чистого листа, столкнулись с автохтонным индейским населением, чьи идеалы, верования и формы социальной организации кардинально отличались от тех, с которыми колонизаторам приходилось иметь дело в Европе. Прежде всего, их поразило полное отсутствие государственных структур, более свободная сексуальная мораль и кочевой образ жизни индейцев. Многие переселенцы, устав от конкуренции со своими соседями, от пуританских нравов и политических интриг, уходили к миролюбивым «дикарям» и постепенно ассимилировались среди них. «Уход на Кроатан» жителей первых американских поселений

АЛЕКСАНДР

породил целую политическую мифологию, в основе которой лежит мистическое представление о «естественном состоянии» мировой материи. Размышления о ней можно встретить в трудах Отцов-основателей, трансценденталистов и анархистов. Соприкосновение с «естественным состоянием» мира до сих пор имеет для американцев важное духовное и политическое значение. В трактате «Временные автономные зоны» философ Хаким Бей дал лаконичное и точное описание формирования этого ключевого элемента американского политического воображения: [REDACTED]

В глазах алхимиков Новый свет ассоциировался с первоматерией или гилеей, «естественным состоянием», невинностью и бесконечным потенциалом («Виргиния»), хаосом или предначальной бесформенностью, служившей основой для трансмутации, в результате которой алхимику надлежало получить «чистое золото», то есть достичь духовного совершенства, а заодно и материального благополучия. Однако такое видение алхимиков отчасти проистекает из их неподдельного и тайного восхищения, которое они питали к сырой, первозданной материи, и за-

чарованности её бесформенностью, которая нашла своё воплощение в образе «индейца»: «человека» в при- 8 родном состоянии, не испорченного никакими «формами управления». Калибан, архетипический дикарь, подобно вирусу помещён в самое нутро машины Оккультного империализма; лесная чаща/звери/люди изначально уже обладают магическим могуществом, присущим всякому изгою, отверженному и презираемому. С одной стороны, Калибан уродлив, а Природа уподобляется «негодной пустоши» — с другой стороны, Калибан благороден и свободен духом, а Природа олицетворяет Эдем. Этот раскол в европейском сознании предвосхищает дихотомию между романтизмом и классицизмом, своими корнями он восходит к Высокой магии Ренессанса. Открытие Америки (Эльдорадо, Источник вечной молодости) кристаллизует его, и его духом пронизаны все реальные проекты колонизации.

Опасно балансируя между эссенциализмом и социальным конструктивизмом, анархисты Соединенных Штатов сохраняют верность категории «естественного» вплоть до сегодняшнего дня.

Третий фактор, вызывающий огромное количе-

АЛЕКСАНДР

ство споров в анархистской среде, без которого, впрочем, нельзя представить североамериканскую либертарную мысль — это рыночная идеология. Для многих социальных анархистов слово «рынок» служит синонимом понятия «капитализм», что сближает их анализ капиталистического угнетения с марксистской традицией. Нельзя сказать, что такое смещение означающих не имеет под собой оснований. Действительно, рынок — необходимый элемент капиталистической экономики. Это пространство (неэквивалентного) обмена, в пределах которого происходит превращение потребительной стоимости в меновую, товаризация (отчуждение) продуктов труда и самих социальных отношений, конкуренция между экономическими агентами за присвоение все большего количества благ. Однако не стоит забывать, что рынок существовал и в других исторических и социально-экономических условиях — и правила его функционирования могли значительно отличаться от тех, что стали для нас привычными. [REDACTED]

В политической мысли Соединенных Штатов рынок превратился в идеал саморегулирующейся системы, лучше всего подходящей для рационального, ответственного и свободного субъекта Просвещения, строящего свои связи с миром по принципу добровольных контрактов с другими свободными субъектами. Договорная природа общественных связей подразумевает, что за пределами контракта, правомерность которого определяется соответствием его положений «естественному праву», на человека не может распространяться действие ни одной юрисдикции, к которой он открыто и добровольно не причастен. Радикальное прочтение этой концепции легко приводит к выводу, что в идеальных общественных условиях каждый индивид должен нести ответственность только перед конкретными людьми, с которыми его связывают взаимность и общность интересов. Можно ли в таком случае считать социальные институты или бюрократический аппарат отдельными сущностями, имеющими личностное со-

держание? Вопрос остается открытым. [REDACTED]

Американские анархисты, стремившиеся к уничтожению эксплуататорских механизмов капиталистической системы через постулирование «естественных прав» на жизнь, владение собственностью и продуктом своего труда, разработали оригинальное политическое учение, получившее в литературе название «антикапитализм свободного рынка» (а его европейский аналог — «мутуализм»). Согласно этой доктрине, капитализм был создан в результате правительственных вмешательств в рыночную экономику. Распределяя привилегии между крупными собственниками и учреждая монополии — на деньги, землю, патенты, тарифы и инфраструктуру, — государство производит неравенство и угнетающие иерархии, мешая развитию открытой и честной конкуренции. Дискурс рыночных анархистов отводит конкуренции роль «великого уравнилеля», своеобразного механизма саморегуляции, служащего предохранителем от высокой концентрации ресурсов в руках

немногих. По мнению американских мутуалистов, контроль государства над рынком всегда оборачивается неспособностью рабочих классов к индивидуальной и коллективной трудовой самоорганизации, подавлением гражданских свобод и сращиванием политической элиты с представителями крупного капитала. Разружьте монополии, освободите рынок — и вы увидите, как цены на товары упадут до предельного минимума, социальные расходы будут направляться на конкретные проекты, обеспечивающие медицинскую и инфраструктурную безопасность сообщества, появится немыслимое ранее разнообразие услуг и качественных товаров, а крупная собственность вместе с государством и чиновничеством уйдет в небытие, уступив место «новому ремесленничеству» и полному политическому эгалитаризму. [REDACTED]

Фундаментальные положения рыночного анархизма были разработаны представителями местной традиции анархистской мысли, по своему характеру глубоко индивидуалистической и рефор-

АЛЕКСАНДР

мистской. Этот дискурс сложился на Восточном побережье Соединенных Штатов в среде предпринимателей, юристов и экономистов, которые наблюдали процесс централизации власти в руках Федерального правительства, чудовищные последствия индустриализации для жителей городов, фермеров и ремесленников, и рост классового расслоения, сопровождавшийся усилением дискриминации афроамериканцев, индейцев и женщин. Первые американские анархисты стремились найти практические решения описанных проблем в рамках существующей системы. Такую «умеренность» можно объяснить тем, что в начале XIX века многие атрибуты американской политической реальности все еще напоминали о своих революционных корнях. Но чем дальше заходил капитализм в своих притязаниях, тем меньше надежд возлагалось на традиционные институты. На смену позитивному миролюбивому проекту «справедливой торговли» Джосайи Уоррена (1798–1874) и экспериментальным индивидуалистическим общинам

постепенно приходил радикальный «философский анархизм» Бенджамина Такера (1854–1939) с его апологетикой частных охранных компаний как механизма защиты собственности от государства и допущением определенных форм наемного труда в анархистском обществе. Такими суждениями Такер и его немногочисленные эпигоны, например, Лоренс Лабади (1898–1975), сыграли на руку современным либертарианцам. Подобрав «никому не нужное» после Второй Мировой войны наследие американского анархо-индивидуализма, анархо-капиталисты попытались присвоить его, используя ряд традиционных положений для усиления своих позиций. Однако сделать это оказалось не так уж просто. Верность трудовой теории стоимости, участие в работе Первого Интернационала и глубокая критика буржуазного права и капиталистических отношений — все это делает американских анархистов свободного рынка «неудобным наследием».

Тем не менее прочная ассоциация анархистского индивидуализма с «пра-

вым» либертарианством, возникшая во второй половине прошлого века, заставила и многих «левых» анархистов решительно отвергнуть эту традицию как историческое недоразумение. По моему мнению, этим социальные анархисты лишили себя огромного количества интеллектуальных инструментов, помогающих взрывать изнутри дискурсы рынка, прав человека, гражданского общества и представительства. Ситуация постепенно исправляется, благодаря «постлевой» ревизии анархистской истории. Кто знает, сколько новых — лежащих по ту сторону демократии, капитализма и коллективизма — анархистских горизонтов нам предстоит еще открыть, преодолев нелепую идеологическую цензуру? [REDACTED]

Первое  
знакомство  
с юридической мыслью  
Лисандра  
Спунера

Среди представителей американского анархо-индивидуализма XIX века, пожалуй, трудно найти столь же яростного противника позитивного права, как юрист и участник аболиционистского движения Лисандр Спунер. [REDACTED]

Он родился 19 января 1808 года на ферме Асы и Долли Спунеров в штате Массачусетс. Мальчик был вторым ребенком в семье и рос в кругу шестерых братьев и трех сестер, нежную связь с которыми сохранил до конца жизни. Об отце, Асе Спунере, известно очень мало. Философ не оставил никаких упоминаний о нем в своих письмах и дневниках. Известно лишь, что в глазах

местного сообщества он пользовался большим авторитетом, отличался крутым нравом и духовной независимостью. Судя по тому, что своим детям он решил дать имена, отсылающие к древнегреческой мифологии и истории, ортодоксальным пуританином отец Лисандра не был. Зрелые религиозно-философские произведения, написанные Спунером, дают основания полагать, что именно от Асы, лично занимавшегося воспитанием и обучением детей, он перенял деистические взгляды и привычку подвергать факты реальности последовательной рациональной критике. [REDACTED]

Свою маму, домохозяйку Долли Спунер (в девичестве Браун), он считал «одной из самых добрых матерей и лучших женщин», несмотря на ее излишнюю религиозность. В будущем под сильным влиянием матери сестра Лисандра Эбигейл станет миссионеркой и отправится нести «слово Божье» индейским племенам оджибва. Религиозное подвижничество матери и суровая деистическая мораль отца в одинаковой степени повлияли на граж-

данское сознание детей. Все члены семьи разделяли аболиционистские взгляды 14 и яростно выступали за полную отмену рабства. Для Лисандра было большим утешением, когда незадолго до своей смерти Долли смогла по-держать в руках экземпляр его книги «Не конституционность рабства» (*The Unconstitutionality of Slavery*), вышедшей в 1845 году, и оценить сделанный им вклад в общую борьбу. [REDACTED]

Но духовное родство домочадцев не делало жизнь в семье Спунеров счастливой или легкой. Тяжелый труд и железная дисциплина, царившие на ферме, были следствием постоянной борьбы с бедностью. У родителей не было возможности отправить Лисандра обучаться ремеслу вне дома. Это привело к тому, что будущий философ оказался вынужден до двадцати шести лет отрабатывать затраты родителей на его образование. [REDACTED]

Полученных дома знаний оказалось достаточно для начала преподавательской карьеры. Отдав долг родителям и скопив немного денег на репетиторстве в семье богатых

АЛЕКСАНДР

землевладельцев, Лисандр отправился в небольшой городок Вустер, где и начал свою самостоятельную жизнь. Он устроился на работу в юридическую контору Джона Дэвиса\* (1787–1854), которая в конце концов заменила ему университет. Под его чутким руководством Лисандр овладел искусством тонкой юридической аргументации и делопроизводства. Впечатленный профессиональными успехами ученика, Дэвис дал ему зеленый свет на открытие собственной практики. [REDACTED]

\* Джон Дэвис был выдающимся юристом и общественным деятелем. Ему удалось дважды избраться на должность сенатора Соединенных Штатов (с 1835-го по 1840-й и с 1845-го по 1853-й).

Однако в то время в штате Массачусетс действовал закон, запрещающий заниматься юридической деятельностью тем, кто отработал менее пяти лет в соответствующем учреждении. Выпускникам колледжей, проходившим всего трехгодичное обучение, законодательство не чинило никаких преград для открытия бизнеса. Спунера возмутило такое положение дел. Он стал отрицать

правовой характер установленного штатом закона, поскольку, по его мнению, он давал конкурентное преимущество детям богатых родителей против «хорошо образованных бедняков». Чтобы отменить репрессивную норму, он начал отправлять письма в законодательные органы штата, подробно излагая в каждом из них свои аргументы. Поскольку в те годы Джон Дэвис был губернатором Массачусетса, просьба Лисандра была удовлетворена — и в 1836 году закон официально отменили. ■■■■

Столкновение с правительством штата Массачусетс было первым выступлением Лисандра в роли социального критика и реформатора. Почувствовав уверенность в своих силах, Спунер решил продолжить публицистическую активность. Выступив в печати с эссе, разоблачающим основы христианской мистики, он подвергся социальной дискредитации со стороны консерваторов. Конфликты в прессе на почве религии сделали его юридические услуги в Вустере невостребованными. ■■■■

Несколько раз он попытается вырваться из бед-

ности, занявшись бизнесом. Нельзя сказать, что на этом пути ему сопутствовало 16 вала удача. Покупка дешевой земли во время освоения Запада не дала желаемого результата. В 1844 году, оправившись от неудачи с земельными спекуляциями, он реализует амбициозный и дерзкий проект — создание частной почтовой службы. Успех предприятия вызвал ожесточенную реакцию властей. В срочном порядке Конгресс принял закон, запрещающий частным лицам создание подобного рода служб и тем самым закрепляющий за государством монопольное право на предоставление почтовых услуг. Фирму пришлось ликвидировать. В ответ на это Спунер разразился памфлетом, в котором доказывал неконституционный характер принятого Конгрессом решения. Философ обращал внимание читателей на текст Конституции, в котором сказано, что правительство может (а не обладает исключительным правом) открывать почтовые службы и строить дороги. В ней не содержится никакого прямого запрета делать то же самое частным ли-

цам, иначе, если бы было верно обратное, то гражданам следовало бы запретить абсолютно все, что, по Конституции, позволено делать государству (например, торговать или взимать долги). Кроме того, запрет на создание частных почтовых служб де-факто вводил государственную цензуру, поскольку ликвидировал альтернативные источники доставки информации. В своем тексте Спунер безжалостно обличал коррумпированность Федерального правительства, готового защищаться любыми средствами от конкуренции, исходящей «снизу». ■

Воинственная риторика спунеровских памфлетов навсегда лишила философа возможности заручиться финансовой поддержкой представителей привилегированных классов и предопределила его окончательный переход в лагерь радикалов. Вся дальнейшая жизнь мыслителя пройдет в неравной борьбе с общественным невежеством, правовой дискриминацией, государственной системой привилегий и экономического неравенства. ■

Помимо публицистической и исследова-

тельской деятельности, Лисандр продолжал юридическую карьеру в качестве адвоката. Годовой доход в размере всего двухсот долларов не мешал ему бескорыстно предоставлять услуги нуждавшимся в помощи жертвам политических репрессий и несправедливых законов. Ему удавалось вытаскивать из лап правосудия религиозных диссидентов, арестованных за бродяжничество, беглых рабов и людей, укрывавших их. В печать он нередко отдавал тексты, защищавшие террористов, покушавшихся на жизнь первых лиц государства. Особую ценность представляют его размышления о Хеймаркетской бойне. Спунер очень точно зафиксировал нарушения правовых процедур во время судебного процесса над анархистами и изложил аргументы, которые могли привести к освобождению активистов, если бы их дали озвучить в зале суда. ■

Видя как Федеральное правительство вводит новые репрессивные законы, идет на поводу у рабовладельцев, экстрадируя скрывающихся на Севере чернокожих, а потом развязывает кровавую войну,

оправдываясь необходимостью окончательно покончить с рабством (а на самом деле, желая предотвратить выход южных штатов из состава федерации), Лисандр Спунер становится анархистом и посвящает всю свою интеллектуальную и общественную работу полной дискредитации государственных структур как не имеющих никаких правовых оснований для осуществления власти над людьми. На страницах журнала Бенджамина Такера *Liberty* он совершенствовал свою концепцию «добровольного правительства» и требовал реформы суда присяжных, благодаря которой судебный процесс должен был превратиться в битву индивидов против государства с использованием специальных правовых средств для пресечения авторитарных решений судей и покровительствующих им богачей. Эти идеи получили воплощение в двух главных трактатах Спунера: «Суд присяжных» 1852 года и серии памфлетов «Не измена», выходивших с перерывами в период с 1867-го по 1870-й год. [REDACTED]

Книга «Суд присяжных» — это историческое

исследование, укореняющее данный институт в традицию англосаксонского обычного права. Привязанность к обычному праву дает Спунеру все основания считать, что народная юридическая мысль всегда находилась в поисках средств противостояния правительственному произволу. Но современный суд присяжных не имеет ничего общего со своими исконными формами. Сегодня он является не более чем государственной уступкой, при помощи которой правящие классы стремятся сдержать разрушительный потенциал обычного права, устанавливая пределы его компетенции определением факта деяния. Задача Спунера заключалась в том, чтобы вернуть институту локальный характер и тем самым расширить полномочия присяжных. [REDACTED]

В результате своих исследований он выработал критерии, по которым должен формироваться и функционировать суд присяжных. Во-первых, следует разрешить участвовать в качестве присяжных всем взрослым людям, проживающим в месте, где будет проходить суд

АЛЕКСАНДР

(мужчинам, женщинам, небинарным персонам, белым, цветным, гражданам и не-гражданам). Во-вторых, отбор присяжных должен проводиться по принципу жеребьевки отдельной от государства и заинтересованных лиц комиссией. Эта мера была предусмотрена им для того, чтобы лишить государство права утверждать состав присяжных до начала процесса и тем самым влиять на его представителей во внесудебном порядке. Любое законодательство, не поддерживающее эти принципы, может быть объявлено неконституционным, а решения, принятые присяжными в отведенных им рамках — недействительными. Следующий шаг Спунера — требование комплектовать судейский состав на основе народного голосования. Реализованное на практике, оно лишило бы государство основного рычага давления и способа легитимировать свою волю. [REDACTED]

Согласно проекту философа, присяжные будут уполномочены определять не только факт деяния, но и устанавливать справедливость, в случае необходимости ставя под сомне-

ние букву государственного закона. Спунер был уверен, что любая группа присяжных отражает внутреннее ценности сообщества лучше, чем «законно избранные» представители, сидящие в местных органах власти. Будучи абсолютно не подконтрольными своим избирателям, они образуют узкую социальную фракцию, защищающую свои корыстные интересы с помощью институциональных механизмов. Напротив, решение присяжных, собранных случайным образом из местных жителей, всегда требует единогласия, выработки общего мнения лицом к лицу. Как считает Спунер, это должно гарантировать безопасность обвиняемых от поспешных и необдуманных действий присяжных и судей. Для Лисандра Спунера, чрезвычайно внимательно подходившего к вопросу соблюдения прав меньшинств, такой подход преследовал как защиту от «тирании большинства», осуществляемой средствами представительной демократии, так и усиление позиций находящихся в составе присяжных заседателей не конформных индивидов с помощью

права вето. Таким образом, все члены общества получали бы юридическую возможность реализации права на восстание, то есть права не подчиняться установлениям правительства, доказывая свою правоту в суде. [REDACTED]

Но что делать, когда государство не идет на уступки? Любое действие против него будет рассматриваться законодательством как «государственная измена». [REDACTED]

Отталкиваясь от концепции естественного права, Лисандр Спунер в памфлете «Не измена» попытался доказать всю несостоятельность и безосновательность подобных притязаний гражданских правительств. В нем он отрицает гоббсовское понимание государства как отдельного самостоятельного формирования, обладающего полным правом распоряжаться жизнью подданных, исходя из собственных интересов. Доводя теорию общественного договора до крайности, Спунер настаивает на том, что любое правительство, чтобы считаться добровольным, а не тираническим, должно добиваться открытого

признания своей власти и соблюдать естественные права индивида. Это возможно только при заключении контракта, под которым будут готовы подписаться все участники такого предприятия. Если такой контракт отчуждает какое-либо естественное право индивида, то положения этого документа не подлежат исполнению. По мысли Спунера, все процедуры представительной демократии — голосование, сбор налогов и законотворчество, — не могут подтвердить всеобщего согласия на учреждение правительства и подчинение ему, поскольку являются принудительными. [REDACTED]

Процесс голосования трактуется им как инструмент стравливания разных социальных групп друг с другом — поддержки перманентной гражданской войны. Спунер заявляет, что люди, лишённые других средств влияния на ситуацию, принуждены выбирать кандидата, обещающего проводить соответствующую их интересам политику. Под этим обещанием скрывается «непристойное содержание» — жажда отмщения своим социальным обидчикам

АЛЕКСАНДР

путем репрессивных мер. Справедливо ли это, если принцип тайного голосования, на основе которого все оппозиционные группы оказываются под властью представителей других групп, лишает индивидов возможности узнать, кого конкретно представлял политик и кто, следовательно, должен нести ответственность за последствия принятых решений? Можно ли считать в таком случае справедливым требование платить налоги, если их сбор осуществляется враждебной индивиду правящей группой, а отклонение от них грозит штрафом или тюремным заключением? Тот же самый вопрос следует адресовать и законодательству. Насколько принуждение людей к исполнению принятых победившей партией законов имеет реальные юридические основания в случае, если эти люди голосовали против нее и «общественный договор» между ними, по сути, так и не был заключен? ■■■■■

Последовательно отстаивая примат естественного права и добровольности над любыми социальными абстракциями, вроде «национальных

интересов», «всеобщего блага» и «воли большинства», Спунер приходит к анархистской защите вооруженного восстания, к полной дискредитации Конституции США, как «не имеющей авторитета», и к осуждению абсолютной власти денег над политическими процессами — производной от буржуазного порядка. В качестве альтернативы тираническим государственным институтам он выдвигает идею «добровольного правительства» (*free government*), основывающегося, как объясняет Родион Белькович, на «индивидуальном, явно выраженном согласии каждого отдельно взятого человека на поддержку данной власти и на взятие на себя обязательств по отношению к ней». Предел компетенций и развития любого подобного формирования должен устанавливаться людьми, вовлеченными в его функционирование, в соответствии с учетом «естественных прав» кооперирующихся, а также тех, кто их окружает. В свете этого спунеровское «добровольное правительство» можно представить как ассамблею не унифицированных институтов

местного самоуправления, создающихся группами инициативных индивидов для решения возникающих в течение жизни вопросов общественного значения. Ни одно такое предприятие, строящее и регулирующее свою деятельность на основе радикального понимания «естественного права», не сможет принуждать потомков своих учредителей быть его частью (что исключает монопольное владение), как и насильно вовлекать в свою орбиту людей, не желающих участвовать в его работе и пользоваться создаваемой им продукцией. В таких условиях свободная рыночная конкуренция должна служить средством поиска и отбора наиболее подходящих участникам сообщества механизмов производства социальных, экономических и духовных благ. [REDACTED]

Лисандр Спунер умер 14 мая 1887 года после продолжительной болезни. Бенджамин Такер, находившийся с ним в последние годы жизни в близких отношениях, рассказывал, что его тело нашли «в маленькой комнатке на Миртл-стрит, 109, в окружении сундуков, ломящихся

от книг, рукописей и памфлетов». Молодые анархисты и старые товарищи 22 похоронили своего друга на кладбище Форест-Хиллз, после чего занялись распространением и перепечаткой его трудов. Возможно, именно так несколько книг Спунера оказались в библиотеке Петра Кропоткина — давнего оппонента анархо-индивидуалистов, с которым Такер состоял в переписке. Другим, не вовлеченным в политику людям, Лисандр Спунер запомнился прежде всего одиноким длинноволосым стариком с серой бородой, что днями напролет изучал в Бостонском атенауме пыльные юридические книги. Но благодаря своей увлеченности и неупорядоченности он продолжал производить впечатление человека полного сил, нестигаемого и опасного для всякого рода начальств и соглашателей. [REDACTED]

Книга, которую вы держите в руках, — яркое тому подтверждение. [REDACTED]



## НОМЕР ПЕРВЫЙ

26



26 введение

28 i

29 ii

32 iii

33 iv

## НОМЕР ВТОРОЙ — КОНСТИТУЦИЯ

38



39 i

42 ii

45 iii

47 iv

48 v

48 vi

49 vii

49 viii

49 ix

50 x

51 xi

## НОМЕР ШЕСТОЙ — КОНСТИТУЦИЯ БЕЗ ВЛАСТИ

52



53	i
56	ii
66	iii
76	iv
77	v
80	vi
83	vii
84	viii
87	ix
88	x
89	xi
94	xii
95	xiii
96	xiv
98	xv
98	xvi
99	xvii
103	xviii
108	xix
116	приложение

НЕ ИЗМЕНА  
 Лисандр  
 Спунер  
 1870  
 перевод  
 Бориса  
 Грызунова

НОМЕР  
ПЕРВЫЙ

Вопрос измены не тождественен вопросу рабства, и так было бы даже в случае, если бы из Союза вышли не рабовладельческие штаты, а свободные.

Северяне вели войну не с целью освободить рабов, а в интересах того правительства, которое всегда извращало и нарушало Конституцию, стараясь оставить рабов рабами — и это продолжалось бы, если было бы возможно таким образом убедить рабовладельцев остаться в Союзе.

Идея, за которую воевал Север, была проста: людей можно заставить подчиниться и поддерживать правительство, которого

они не хотели; и если они, в свою очередь, сопротивляются, то они предатели и преступники.  
27

Невозможно вообразить идею коварней или опасней для политической свободы. Но именно она победила на поле боя и теперь претворена в реальность. Раз так, то количество рабов после войны не уменьшилось, а во много раз увеличилось, поскольку человек, подчиненный правительству, которого он не хотел, — раб. И нет качественной разницы — есть разница только в степени, между политическим и личным рабством. Первое — нисколько не меньше второго — лишает человека контроля над самим собой и над продуктами его труда, утверждая что кто-то еще может владеть и распоряжаться им и его собственностью в своих целях, как того пожелает. До войны были основания говорить, что — по крайней мере в теории, если не на практике — у нас было добровольное правительство, правящее по согласию. Но сейчас ничего подобного сказать нельзя, раз уж идея, за которую воевал Север, бесспорно претворена в реальность.

Если эта идея расходится с идеей Конституции, об этом следует сказать.

Если она совпадает с идеей Конституции, Конституцию стоит немедленно упразднить.

Не говоря о всех наших громких заявлениях перед человечеством за последние девяносто лет, согласно которым наше правительство пра- 28 вит по согласию, и что в этом и состоит верное основание власти любого правительства, недавняя война показала на деле, что наше правительство правит силовыми методами — как и любое правительство до него.

Север фактически сообщил миру: «Очень здорово было болтать о согласии, пока на повестке стояло наше освобождение от связей с Англией, а также стяжание разбросанного и ревнивого народа в национальный союз — но теперь, когда наши цели достигнуты и власть Севера утверждена, нам достаточно — как и всем другим правительствам — просто сказать “Наше право — в нашей силе”».

Пропорционально своему богатству и численности населения, Север, скорее всего, истратил больше денег и крови в попытках удержать власть над не желавшим того народом, чем любое правительство доселе. И сам Север, по всей видимости, считает это высшим достижением своей победы и достаточной компенсацией за все его потери, а также превосходным оправданием всего разрушения и кровопролития на Юге, что всякая иллюзия необходимости согласия на вечную власть правительства навсегда стерта (как северяне полагают) из умов людей. В общем, Север безмерно рад тому, что доказал: правительство, заявляющее о власти по согласию, изведет больше жизни и богатства, подавляя несогласных, чем когда-либо изводило правительства, открыто правившие силой.

И он еще заявляет, что сделал это во имя свободы! Во имя добровольного правительства! Во имя идеи, что правительство должно править по согласию!

Если бы последователи Роджера Уильямса в течение первых ста лет с основания своего религиозно толерантного государства, как только баптисты достаточно укрепили свои позиции, принялись бы, опираясь на эту идею, с доселе невиданным пылом жечь еретиков и воссияли бы подавив таким образом всякое сомнение в истине государственной религии; и если бы они утверждали, к тому же, что делают все это во имя свободы совести — они были бы ничем не вероломней Севера, развязавшего войну, чтобы

заставить людей подчиниться и поддерживать правительство, которого они не хотели, и заявлявшего потом, что он воевал за идею правительства, которое правит по согласию.

Ошеломительную бессмысленность и противоречивость можно объяснить, только предположив, что то ли жажда славы, власти и денег бесповоротно ослепила северян или лишила их здравого смысла в отношении непоследовательности и безрассудства их поступков, то ли они никогда не понимали, что означает для правительства правление по согласию. Возможно, вторая версия верна. Великодушные к человеческой природе заставляют надеяться на это.

ii что же тогда  
подразумевается  
под согласием  
на правление?

Если кто-то скажет: «Все, что требуется для формирования правительства, наделенного властью над слабой частью нации, — это согласие сильной части», то можно ответить: наиболее тираничные правительства мира следуют именно этой идее, то есть идее согласия сильнейшего. Эти правительства сформированы исключительно по согласию или уговору сильнейшей группы, что она будет сообщать подчинять слабую группу своему господству. В этом и состоят деспотизм, тирания и несправедливость таких правительств. По крайней мере в этом первая ступень их тирании — обязательная прелюдия ко всему дальнейшему гнету.

Если кто-то скажет: «Достаточно согласия наиболее многочисленной части нации для оправдания наделения их властью над более малочисленной частью», то можно ответить следующее:

Во-первых. Два человека в той же мере вправе повелевать одним, в какой один вправе подобным образом повелевать двумя. Естественные права человека принадлежат ему перед всем миром, и любое нарушение их — это преступление, пусть оно совершено одним человеком или миллионами; пусть оно совершено одним челове-

ком, представляющим себя грабителем (или любым другим именем, указывающим на его природу), или миллионами людей, представляющим себя правительством.

Во-вторых. Со стороны наиболее многочисленной части было бы нелепо говорить о формировании правительства над более малочисленной частью, если бы первая часть не была бы еще и сильнейшей, в довершение к собственной многочисленности, ведь едва ли можно представить, чтобы сильная часть когда-либо подчинялась власти слабой исключительно из-за многочисленности последней. К тому же правительства, вероятно, почти никогда не формируются наиболее многочисленной частью. Обычно, если не всегда, их формирует часть малочисленная; избыток ее силы состоит в избытке богатства, знаний и способности действовать сообща.

В-третьих. Наша Конституция указывает в качестве своего учредителя не простое большинство, а «народ» — меньшинство в той же мере, что и большинство.

В-четвертых. Если бы наши отцы в 1776 году признали, что большинство имеет право править над меньшинством, мы бы никогда не стали нацией — ведь и сами они представляли собой явное меньшинство по сравнению с теми, кто заявлял о своем праве повелевать ими.

В-пятых. Большинство, как таковое, никоим образом не гарантирует справедливости. Это люди того же рода, что и меньшинства. Они так же жаждут славы, власти и денег, как и меньшинства; они рискуют и с тем же успехом — если не с большим — и с той же дерзостью — если не с большей — могут, обретя власть, оказаться ненасытными, беспринципными тиранами. Посему у человека нет причин предпочесть подчинение скорее верховенству большинства, чем меньшинства. На большинства и меньшинства невозможно полагаться, решая проблемы справедливости. И все разговоры о них в контексте правительства абсолютно бессмысленны. Глупы те люди, что объединяются в поддержку любого правительства и любого закона, кроме того, с которым все они согласны. Но ничто, кроме силы и обмана, не заставит людей поддержать любой другой закон. Сказать, что большинства как таковые имеют право верховенства над меньшинствами,

означает сказать, что у меньшинств нет и не должно быть никаких прав, кроме тех, что большинства им отпускают.

31 В-шестых. Велика вероятность, что многие худшие правительства или даже их большинство — пусть они и были в свое время основаны насильственно и меньшинством — в итоге получают поддержку большинства. Но если так, то большая часть этого большинства состоит из самых невежественных, суеверных, трусливых, зависимых, подхалимствующих, прогнивших слоев народа; из тех, кому затмили глаза власть, знания, богатство и гонор; из тех, кто повелся на обман; и из тех, кого со- вратила приманка тех немногих, кто действительно составляет правительство. Такие большинства, весьма вероятно, можно найти в половине, если не в девяти десятых стран на планете. Что это доказывает? Ничего, кроме развращенной тиранической природы тех самых правительств, которые привели такую огромную долю людей в их нынешнее состояние невежества, раболепия, разложения и развращенности; невежества, раболепия, разложения и развращенности, которые ничто так хорошо не демонстрирует, как то, что эти люди поддерживают правительства, столь сильно притеснявшие, разлагавшие и развращавшие их. Никким образом это не доказывает легитимности самих правительств; или что их должны поддерживать или даже терпеть те, кто видит их истинную природу. Тот факт, что правительству повезло заручиться поддержкой большинства, не доказывает ничего из того, что необходимо доказать ради ответа на вопрос, следует ли поддерживать правительство.

В-седьмых. Идея, что большинство имеет право повелевать меньшинством, превращает все управление в состязание между двумя группами людей за право быть господами, а не рабами, которое — каким бы кровавым оно ни было — никогда, по природе вещей, не может разрешиться, пока человек не желает быть рабом.

Но сказать, что согласия либо сильнейшей, либо самой многочисленной части нации достаточно, чтобы оправдать формирование или 32 содержание правительства, контролирующего целое государство, не устраняет проблемы. Все еще стоит вопрос: как возникает такая вещь как «нация»? Как миллионы людей, разбросанных по огромной территории, — каждый из которых от природы наделен личной свободой; обязан по закону природы не называть ни одного человека или группу людей своими господами; уполномочен, по этому же закону, стремиться к своему индивидуальному счастью, делать что угодно с собой и своей собственностью до тех пор, пока он не пресекает границ равной свободы других; уполномочен также, по тому же закону, защищать свои права, исправлять свои невзгоды и приходить на помощь и на защиту к любому другому человеку, страдающему от какой-либо несправедливости, — как миллионы таких людей в какой-то момент превращаются в нацию? Как так происходит, что каждый из них лишается своих естественных, Богом данных прав, и вбирается, вжимается, вминается, вливается в единую массу с остальными людьми, которых он сам никогда не видел; с которыми не вступал в соглашения; и к большинству из которых он не чувствует ничего, кроме страха, ненависти или презрения? Как получается, что им управляют подобные ему люди, у которых от природы не было над ним власти; и при этом они приказывают ему то и запрещают ему это, будто они его суверены, а он их подданный; и будто лишь их волями и интересами измеряются его обязанности и права; и они заставляют его подчиняться под угрозой лишения имущества, свободы или жизни?

Очевидно, здесь действует сила. Или обман. Или и то и другое.

Итак, по какому праву мы становимся «нацией»? По какому праву остаемся «нацией»? И по какому праву либо сильнейшая, либо наиболее многочисленная часть, существующая теперь в границах территории под названием «Соединенные Штаты», заявляет что действительно, есть такая «нация» — Соединенные Штаты? Бесспорно, они должны сперва продемонстрировать правовую основу

этой «нации». Лишь после, опираясь на нее, они смогут заявить свое право управлять этой нацией; право забрать для своих нужд столько собственности каждого на ее территории, сколько сами решат; и право по своему желанию заставить любого рисковать жизнью или отнимать жизнь других, ради поддержания собственной власти.

Разговор об их численности или силе к делу отношения не имеет. Вопрос в том, по какому праву существует нация. И по какому праву столько зверств совершается ее властью или ради ее сохранности.

Несомненно, ответ на этот вопрос должен быть таков: нация существует без всякого на то права.

Следовательно, мы приходим к выводу, что нации и правительства, если они и могут существовать по праву в принципе, то только по согласию.

iv            в таком случае  
                 мы возвращаемся  
к вопросу:  
что подразумевает  
для правительства  
правление по согласию?

Очевидно, в идее правления правительства по согласию обязательно подразумевается следующее: отдельное, личное согласие каждого человека, от которого требуется вложение, будь то налог или личная служба, в поддержку правительства. Это обязательный минимум, ибо согласие одного человека столь же необходимо, сколь согласие любого другого. Если, к примеру, А утверждает, что его согласие необходимо для формирования или поддержания правительства, он также обязательно признает, что согласие Б и каждого другого необходимо в той же мере, ведь Б и каждый другой имеет столько же прав, сколько имеет сам А. С другой стороны, если он отрицает, что согласие Б или любого другого конкретного человека необходимо, он тем самым признает, что ни его собственное согласие, ни согласие любого другого не имеет значения; и что правительство может быть основано без всякого согласия.

Таким образом, можно сказать лишь что либо отдельное, личное согласие каждого человека, от которого требуется любая помощь в поддержке правительства, необходи-

мо, либо ничье согласие не имеет значения.

Ясно, что такое личное согласие незаменимо в концепции измены, поскольку человек, который не соглашался и не договаривался 34 с поддержать правительство, не нарушает слова, отказываясь его поддерживать. И если он идет на него войной, он идет открытым врагом, а не предателем (изменником, неверным другом).

Это минимум, который в обязательном порядке подразумевался Декларацией, принятой в 1776 году. Если необходимость согласия, оглашенная тогда, была здоровой идеей для трех миллионов человек, она была столь же здоровой для трех человек или одного человека. Если идея была здоровой в отношении людей, живущих на отдельном континенте, она была столь же здоровой в отношении человека, живущего на отдельной ферме или в отдельном доме.

Кроме того, только в качестве отдельных личностей, каждая из которых решала за себя — а никак не в качестве членов организованных правительств — эти три миллиона провозгласили необходимость своего согласия для поддержки ими правительства. В то же время они заявили о своем несогласии поддерживать британскую корону. У правительств, существовавших тогда в колониях, не было конституционной власти провозглашать отделение Америки от Англии. Наоборот, эти правительства были сформированы как правительства по хартиям британской короны, которой они клялись в верности. Естественно, британский король не предусматривал для этих правительств правительственной власти освободить народ от верности короне в хартиях или в конституции. Следовательно, пока колониальные законодательные советы действовали как революционеры, они действовали лишь как множество отдельных революционеров, а не как конституционные законодательные собрания. И их представители в Филадельфии, которые первыми провозгласили независимость, были, с позиций конституционного закона того времени, просто комитетом революционеров, но ни в коей мере не имели конституционной власти, и представителями конституционной власти не были.

С точки зрения закона, только как отдельные личности, каждая из которых решала за себя и пользовалась

только собственными личными правами, масса людей согласилась и ратифицировала Декларацию.

И только как множество личностей, каждая из которых решала за себя и пользовалась только собственными личными правами, они совершили революцию в конституционном строе своих местных правительств (дабы исключить верность Великобритании), изменяя их форму только в тех случаях, когда того требовала ситуация.

Сама революция, следовательно, была провозглашена Революцией и совершена людьми, которые действовали по отдельности как личности, пользующиеся своими естественными правами, а не правительствами, пользующимися своими конституционными полномочиями.

Таким образом, именно как личности и только как личности, принимая самостоятельные решения, они провозгласили, что их согласие, а именно личное согласие, поскольку каждый мог дать согласие только за себя — было необходимо для создания или продолжения любого правительства, которое они могли быть по праву призваны поддержать.

Точно так же каждый провозгласил за себя, что его собственная воля, его собственное удовольствие и собственное усмотрение — это единственная власть, к которой ему имело смысл прислушиваться, решая, будет ли он далее поддерживать правительство, при котором прожил всю жизнь. И если этот поступок каждого человека был обоснован и правомерен, когда ему составляло компанию такое множество других людей, он был бы, с точки зрения естественной справедливости и естественного права, столь же обоснован и правомерен, если бы это решение было принято в одиночку. Он располагал тем же естественным правом в одиночку поднять оружие, чтобы защитить свою собственность от одного сборщика налогов, что позволило ему поднять оружие вместе с тремя миллионами других с целью защитить всеобщую собственность от армии сборщиков налогов.

Так вся Революция обнаружила, утвердила и — в теории — установила право всех и каждого по собственному усмотрению снять с себя обязательство поддерживать правительство, при котором они жили. И этот принцип был утвержден не в качестве особого права только для

революционеров или только для того времени, или только в отношении к тогда существовавшему правительству — он был утвержден как универсальное право всех людей, во все времена и при всех 36 обстоятельствах.

Георг III называл наших предков изменниками за этот поступок. Но они вовсе не были изменниками, как бы он или его законы их ни клеймили. Они вовсе не были изменниками, поскольку никого не предавали и не нарушали никакого слова. Они были ему равны и не несли перед ним долга верности, повиновения или какого бы то ни было еще, кроме того долга, что они несли перед человечеством в принципе. Их политические отношения с ним были абсолютно добровольными. Они никогда не клялись, что будут поддерживать эти отношения сколь угодно дольше, чем сами того захотят: следовательно, не нарушили никакого слова, расставаясь с ним. Они всего лишь воспользовались своим естественным правом сказать королю и народу Англии, что их ничто не обязывает продолжать свою политическую связь с ними и что по своим собственным причинам они постановили ее расторгнуть.

Что истинно в отношении наших предков, то истинно и в отношении революционеров в целом. Монархи и правительства, от которых они решают отделиться, пытаются заклеить их изменниками. Но они никакие не изменники, ведь они никого не предают и слова не нарушают. Никакого слова они не давали, поэтому и нарушить его не могут. Они просто люди, которые, по собственным причинам — хорошим или плохим, мудрым или нет, несущественно — решают воспользоваться своим естественным правом расторгнуть свою связь с правительствами, при которых они до того жили. Тем самым они не более совершают преступление измены (что обязательно подразумевает предательство, обман, нарушение слова), чем совершает измену человек, решивший уйти из церкви или любого другого добровольного сообщества, с которым был связан.

Эта идея была верна в 1776 году. Она верна и сейчас. Это единственная идея, которой может следовать любое правомерное правительство. Это идея, в следовании которой клянется Конституция. Если она ей на самом деле

не следует, она не имеет права существовать; и долг каждого — воспротивиться ей.

37 Если революционеры задумали встроить в Конституцию бессмысленные идеи верности и измены, которые они однажды отвергли, против которых боролись и которые поработили мир, они тем самым заявили о неоспоримом праве всего человечества на отвращение и ненависть к ним.

В следующих номерах автор надеется продемонстрировать, что, следуя принципу личного согласия, то малое присутствие правительства, необходимое человечеству, оказывается не только полезным, но естественным и простым, а также что Конституция Соединенных Штатов не позволяет существовать никакому правительству, кроме такого, которое целиком зависит от добровольной поддержки.

# НЕ ИЗМЕНА

## НОМЕР ВТОРОЙ — КОНСТИТУЦИЯ



конституция  
гласит:

Мы, народ Соединенных Штатов, дабы образовать более совершенный союз, учредить правосудие, обеспечить спокойствие в своих границах, защитить сообщество, поддержать общее благосостояние и заручиться благами свободы для себя и своего будущего, провозглашаем и учреждаем сию Конституцию Соединенных Штатов Америки.

Означает это только то, что Мы, народ Соединенных Штатов, действуя свободно и добровольно, как личности, соглашаемся и договариваемся, что будем сотрудничать друг с другом в поддержке такого правительства, которое предполагается данной Конституцией.

Эта декларация подразумевает необходимость согласия «народа». Власть Конституции всецело полагается на него. Без него Конституция не имела бы силы. Силу она имеет, разумеется, только среди тех, кто действительно дал согласие. Невозможно просто допустить, что человек согласен, если данное согласие отсутствует, как нельзя это сделать с любым другим договором о деньгах или услугах. А чтобы она могла к чему-то обязывать человека, его подпись или любое другое явное свидетельство согласия было так же необходимо, как и для любого иного договора. Если бы в этом документе подразумевалось, что он накладывает обязательства на любого «гражданина Соединенных Штатов» без необходимости согласия, власть этого документа оказалась бы неправомерной и фальшивой. Все, что можно предположить, исходя из формулировки «Мы, народ», — что документ *предлагает* всему «народу Соединенных Штатов» присоединиться, оставляя каждому свободный выбор соглашаться или нет.

Суть договора проста, как со всяким договором. Она такая же, как если бы было написано: «Мы, народ города А, соглашаемся на церковь, школу, больницу или театр для себя и своих детей».

Такой договор очевидно не имеет никакой силы ни для кого, кроме тех, кто действительно дал свое согласие. Если лишь часть «народа города А» примет этот договор и взыщет при этом денежные или трудовые вложения с тех, кто согласия не давал, они будут обыкновенными ворами — и отношения заслужат соответствующего.

Если бы даже подписавшиеся сказали: «Мы предлагаем вам равные права в пользовании благами церкви, школы, больницы или театра, которые предлагаем построить, и равное право голоса в управлении этими благами», это не дало бы им права так поступить и несколько не оправдало бы их поступка... Достаточным ответом другой стороны могло бы быть: «Мы не хотим ни участвовать

в пользовании благами, ни иметь права голоса в управлении вашим институтом; и мы никак его не поддерживаем».

Число поддержав- 40 ших Конституцию Соединенных Штатов было поначалу весьма мало. Хотя принятие Конституции и называлось решением всего народа, оно было не более чем фарсом и подлогом, никого ни к чему не обязывающим.

У женщин, детей и чернокожих никто, естественно, согласия не спрашивал. К тому же во всех или почти всех штатах существовали имущественные цензы, лишавшие права голоса, скорее всего, половину, две трети или даже, возможно, три четверти взрослых белых мужчин. И мы не знаем, сколько из обладавших этим правом им воспользовались.

Более того, те, кто тогда дал свое согласие на Конституцию, никоим образом не мог наложить обязательства на тех, кто жил после них. Договор мог быть заключен исключительно между ними самими. Ввиду отсутствия на то всякого естественного права, их политические договоры были так же лишены силы обязывать последующие поколения, как и их брачные и деловые договоры.

Не говоря уже о том, что даже те, кто действительно голосовал за принятие Конституции, не клялись в преданности на определенный период времени — ведь временные рамки, в которых объединение должно существовать, Конституция не уточняет. Объединение, таким образом, существовало исключительно до тех пор, пока оно удовлетворяло участников — именно тех, кто изначально согласился на договор. И уж тем более не было оно ничем большим, нежели добровольным решением объединиться ради общего удовлетворения для последующих поколений, которые, в отличие от своих отцов, даже формально не прошли процедуру его принятия или клятвы в преданности ему. Те из них, кого это удовлетворяло и кому штаты дали на то право, своими голосами и налогами (а также незаконным и тираническим вымогательством налогов у остальных) лишь поддерживали функционирование правительства до сей поры. И, с точки зрения Конституции, они сделали это добровольно, поскольку это было в их интересах или ради их удовлетворения, а не из

какой-либо клятвы или обязательства. Любой человек или группа людей могли бы с полным правом в любой момент отказаться поддерживать их в дальнейшем, и никто бы не имел права возразить его или их отказу.

Такие выводы неизбежны, если мы утверждаем, что принятие Конституции было решением народа, решением каждой личности, а не государственным решением штатов. С другой стороны, если мы скажем, что принятие было государственным решением штатов, из этого непременно следует, что они имели право выйти из Союза, поскольку вступили в него без обозначенных временных рамок.

Данное согласие, таким образом, будь то согласие личностей или штатов, не могло быть ничем большим, нежели временным согласием — уж никак не обещанием на все будущее. По правде говоря, когда речь идет о личностях, мы и отданный ими голос не можем считать доказательством согласия, даже согласия временного. Наоборот, стоит обратить внимание, что человек, чье согласие ни разу не спросили, оказывается помещен под правительство, сопротивляться которому он не в состоянии; правительство, которое вынуждает его платить деньгами, трудом, отказываться от множества естественных прав под страхом тяжкого наказания. Он видит, что другие люди пользуются этой властью над ним посредством бюллетеня. Он также видит, что стоит ему только воспользоваться бюллетенем самому, у него появляется шанс освободиться из-под власти других, подчинив их собственной власти. Иными словами, не дав своего на то согласия, он находится в таком положении, что, воспользовавшись бюллетенем, он может стать господином; отказавшись им воспользоваться, он непременно станет рабом. И выбора, помимо этих двух, у него нет. Он пробует первое, чтобы сберечь себя. Его положение аналогично положению человека, выгнанного на поле боя, который должен либо убивать, либо умереть. Поскольку ради спасения собственной жизни человек стремится отнять жизни других, мы предполагаем, что бьется он не по своей воле. Так же и в борьбе на бюллетене, на поверку всего лишь подменяющем пулю (поскольку человек прибегает к бюллетеню как к единственному шансу на спасение), мы вынуждены

предположить, что эту битву он сам не выбирал и что свои естественные права на кон против прав остальных в игре на численное превосходство он добровольно не ставил. Наоборот, мы должны 42 признать, что в тех чрезвычайных обстоятельствах, в которых он был загнан другими и в которых он не располагает иными методами самообороны, из нужды он пользуется тем единственным, который у него остается. Несомненно, несчастнейшие из людей под властью самого тиранического правительства в мире воспользовались бы бюллетенем, если бы располагали такой возможностью, увидь они малейший шанс таким образом улучшить свое положение. Но из этого не получится сделать резонный вывод, что то правительство, которое их угнетает, было сформировано ими самими или по их согласию.

Следовательно, право голоса человека, согласно Конституции Соединенных Штатов, не является свидетельством, что он когда-то согласился на эту Конституцию, пусть даже временно. Из этого выходит, что у нас нет доказательств, что даже из настоящих участников выборов в Соединенных Штатах сколько-нибудь значительная доля когда-либо действительно добровольно дала свое согласие на Конституцию, пусть даже временное. И таких доказательств у нас никогда не будет до тех пор, пока каждый не будет совершенно волен согласиться или отказаться, не подвергая тем самым себя и свою собственность урону и посягательству со стороны остальных.

ii

Государственной изменой Соединенным Штатам считается только ведение войны против них или присоединение к их врагам и оказание им помощи и содействия.

■  
конституция  
гласит:

Это единственное определение измены в Конституции, и, как и любую другую статью уголовного права, его прочтение должно как можно более ясно вести к свободе и справедливости. Следовательно, измена, о которой здесь идет речь, должна взаправду оказаться изменой, а не ошибочно названным изменой событием.

Чтобы установить в этом случае, что же такое измена, мы обратимся не к кодексам королей, царей и кайзеров, удерживающих власть силой и обманом; презрительно зовущих человечество своими «подданными»; заявляющих о своем особом небесами данным праве властвовать на земле; наставляющих, что долг человечества состоит в повиновении им; подкупающих услужливое и продажное духовенство, чтобы то внедряло эти идеи в умы невежд и суеверных; отрицающих, что их власть происходит из — либо зависит от — согласия народа; стремящихся очернить и заклеить предателями тех, кто заявляет о своем праве и праве себе подобных противостоять подобной тирании.

Чем обращаться к этому лживому и клеветническому определению слова «измена», нам стоит вернуться к его истинному и действительному значению в нашем родном языке; к тому, как оно употребляется в повседневности; и к тому, что непременно являлось бы его значением в любых иных договорах или соглашениях об объединении, которые люди могли бы добровольно заключить между собой.

Истинное и действительное значение слова «измена», как выясняется, обязательно включает предательство, подлог, нарушенное слово. Без этого измены быть не может. Изменник — это предатель, тот, кто причиняет ущерб, заявляя о дружбе. Бенедикт Арнольд был изменником исключительно по той причине, что, заявляя о приверженности американской идее, стремился причинить ей ущерб. Открытый враг, за какие бы иные преступления он ни нес ответственность, изменником никак не является.

Так же и человек, бывший когда-то мне другом, не становится изменником, превратившись в моего врага, если, прежде чем причинить мне ущерб, он предупреждает о том, что стал моим врагом, и если он не пользуется нечестным преимуществом, полученным благодаря моему

доверию к нему во время нашей дружбы.

К примеру, наши отцы — пусть мы и можем считать их неправыми в других отношениях — точно не были изменниками после 4 июля 44 1776 года, поскольку в этот день они предупредили короля Великобритании, что отвергают его власть и собираются вести против него войну. И никакими нечестными преимуществами, полученными благодаря его доверию, они не воспользовались.

Невозможно отрицать, что под конец войны южане показали себя открытыми, заклятыми врагами, а не друзьями-изменниками. Невозможно отрицать, что они предупредили нас заблаговременно, что прекращают быть нашими политическими союзниками и, если в том будет нужда, готовы воевать с нами за отделение. Невозможно утверждать, что они воспользовались какими-либо нечестными преимуществами, полученными благодаря нашему доверию во время дружбы. То есть изменниками они на деле не являлись и в глазах Конституции ими также не были.

Кроме того, не являются изменниками те, кто восстает против правительства, не отозвав клятвы верности ему, если восстание совершается против злоупотреблений этого правительства властью или действий, которые люди искренне считают злоупотреблениями.

Максима закона состоит в том, что без преступного умысла не может быть преступления. К измене эта максима столь же применима, сколь и к любому другому преступлению. Наши отцы, к примеру, не совершали измены, когда восставали против британской короны до 4 июля 1776 года, то есть до отказа от верности ей, если считать, что они искренне полагали, что защищают свои права от ее злоупотреблений. Пусть они и могли ошибиться в законе, если это была невинная ошибка, изменниками она их сделать не могла.

По той же причине южане, если они искренне верили — что было основательно, хоть и не однозначно, признано северянами — в так называемую конституционную теорию «прав штатов», то они на самом деле не совершали измены, следуя своей вере, и, следовательно, не были изменниками по Конституционному закону.

Конституция не уточняет, кто будет считаться изменником, если будет вести «войну против них» или «примыкать к их врагам и оказывать им поддержку и содействие».

Поэтому мы можем только гадать или предполагать, кого эти поступки сделают изменниками.

Естественно, если англичане, французы, австрийцы или итальянцы, ни разу не поклявшись поддерживать Соединенные Штаты или быть их союзниками, пойдут на них войной, примкнут к их врагам, окажут их врагам поддержку и содействие, они тем самым не сделают себя изменниками с точки зрения Конституции; но почему? Просто потому, что они не совершат измены. Если они не поклянутся поддерживать или быть союзниками, они будут не в состоянии совершить предательство, подлог или нарушить данное слово. Но если они добровольно поступят на гражданскую или военную службу в Соединенных Штатах и поклянутся им в верности (не натурализовавшись), а затем предадут доверие к себе, обратив оружие против Соединенных Штатов или оказав поддержку и содействие их врагам, они совершат измену; в таком случае они будут изменниками с точки зрения Конституции и смогут быть наказаны соответственно.

Ни одна буква Конституции не намекает, что на людей, рожденных на территории Соединенных Штатов, накладывается обязательство верности по обстоятельствам их рождения или что их будут судить по каким угодно иным правилам в отношении измены, нежели людей, рожденных за пределами страны. И Конгресс не располагает властью расширить или изменить конституционную формулировку по этому вопросу, чтобы ее прояснить. Значит измена сама по себе — то есть настоящее предательство, подлог или нарушенное слово — должна быть доказана в отношении урожденного жителя Соединенных Штатов в той же мере, что и в отношении иностранца, и лишь тогда будет возможно назвать кого-то изменником.

Конгресс отметил, что конституционной формулировки самой по себе недостаточно, чтобы назвать человека изменником на основании его рождения в этой стране, когда он ведет войну против Соединенных Штатов, но не совершает предательства, подлога и не наруша-

ет слова. Тогда они — хотя Конституция и не давала им на то власти — попытались, как видно, расширить эту конституционную формулировку. Вот что они приняли:

Если любой че- <sup>46</sup> ловек или группа людей, обязанные верностью Соединенным Штатам Америки, пойдут войной на них или примкнут к их врагам, оказывая им поддержку и содействие, этот человек или группа людей будут осуждены за измену против Соединенных Штатов и казнены.

статут, часть 1  
от 30 апреля 1790

На это постановление было бы достаточно ответить, что оно противоречит Конституции, если бы в результате него хотя бы один человек из тех, кого формулировка из Конституции не посчитала бы изменником, стал бы им.

Вся суть статута заключается в словах «люди, обязанные верностью Соединенным Штатам». Эта формулировка не решает проблемы, поскольку не указывает и не называет, кто же «обязан верностью Соединенным Штатам»; хотя принявшие статут определенно полагали либо хотели, чтобы остальные полагали, что верность стоит ожидать (как это делается при всех правительствах) ото всех, кто родился в этой стране (за исключением, возможно, рабов).

Сама Конституция не прибегает к словам «верность», «суверенитет», «приверженность», «подданный» или к любым другим понятиям, которыми пользуются другие правительства, чтобы обозначить труд, преданность, подчинение и другие повинности, которые правительства ожидают от народа, вне зависимости от желаний последнего. Поскольку Конституция утверждает, что целиком зависит от согласия, никто не может быть обязан верностью, трудом, подчинением или любой другой повинностью ни ей, ни сформированному ею правительству, кроме как по собственному согласию.

Слово *allegiance* — верность — происходит от латинских слов *ad* и *ligo*, которые вместе означают «связать с». Таким образом, верный правительству человек связан

с ним или же связан долгом поддержки и верности ему. И правительства, не полагающиеся на согласие, утверждают, что все, кто при них рожден, по определению верны, то есть обязаны их поддерживать, быть преданными и повиноваться, а отказ равносильен измене.

Однако очевидно, что и теоретически, и на деле только сам человек способен обязать себя поддерживать какое угодно правительство. И наша Конституция соглашается, признавая, что вся ее власть целиком основана на согласии народа. Значит, слово «измена» стоит понимать соответственно этой идее.

Текст признает, что человек, рожденный за границей, обязан верностью нашему правительству только при заключении особого добровольного договора. Если уроженца вынуждают быть верным против его воли, он оказывается в худшем положении, чем иностранец; поскольку последний может сам выбирать принимать ли на себя эту обязанность. Получается, что принятое прочтение Конституции делает иностранца свободным в этом отношении, а уроженца — рабом.

Единственная разница — если разница вообще есть — между уроженцами и иностранцами в отношении верности в том, что у уроженца есть право — обеспеченное ему Конституцией — поклясться в верности правительству, если он того пожелает, и тем самым стать частью политического организма. От его верности правительство отказаться не может. А от верности иностранца правительство отказаться может, если того пожелает.

## iv

Конституция очевидно предполагает, что преступление измены может быть совершено исключительно отдельной личностью. Занимательно было бы посмотреть, как человека привлекают к суду, приговаривают или вешают не в качестве отдельной личности; или обвиняют в совершении измены не в качестве отдельной личности. Но при этом само собой разумеется, что кто угодно может быть лично в ответе за измену, лично совершить измену, если он никаким образом не дал обещания и не поклялся

в верности правительству в качестве отдельной личности. Совершенно ясно, что ни один человек, ни одна группа людей не может его в этом обвинять, раз он лично ни в чем не клялся.

48

v

Стало быть, очевидно: если, когда в Конституции говорится об измене, речь действительно идет об измене и ни о чем другом, то нет никакого основания говорить, что южане ее совершили. С другой стороны, если, когда в Конституции говорится об измене, речь идет о том, что под изменой подразумевают царь и кайзер, значит, наше правительство фундаментально ничем не лучше их правительств и называться добровольным не имеет никакого права.

vi

Одна из основ добровольного правительства в том, что оно полностью полагается на поддержку, оказываемую по согласию. И достоверное доказательство недобровольности правительства в том, сколько людей оно заставляет себя поддерживать против их воли. Все, даже наихудшие правительства мира, самые тираничные, добровольны для тех, кто самостоятельно решает их поддерживать. И все правительства, даже наилучшие в определенных отношениях, тем не менее тираничны для тех — сколь бы много или мало их ни было, — кто вынужден поддерживать их против своей воли. В этом смысле правительство сходно с церковью или любым иным институтом. Нет ни одного критерия определения добровольности или недобровольности правительства, кроме единственного — его исключительной зависимости от поддержки, оказываемой по согласию, или же отсутствие такой зависимости.

Здесь не может быть промежуточного варианта. Или «налогообложение без согласия есть грабеж», или нет. Если нет, то сколько угодно людей по их собственному выбору могут в любой момент объединиться, назваться правительством, взять на себя абсолютную власть над всеми, кто слабее их, грабить их по своему усмотрению и убивать при оказании сопротивления. Если же, напротив, налогообложение без согласия есть грабеж, то из этого неизбежно следует, что всякий человек, не давший согласия на обложение налогом, имеет такое же естественное право защищать свою собственность от сборщика налогов, как и от разбойника.

Вероятно, нет смысла уточнять, что это размышление столь же применимо к правительствам отдельных штатов, сколь и к федеральному правительству.

Взгляды Юга на вопросы верности и измены показали себя равно ошибочными со взглядами Севера. Единственной разницей между ними стало то, что Юг считает человека (в первую очередь) невольно верным правительству штата, в то время как Север считает человека (в первую очередь) столь же невольно верным правительству Соединенных Штатов; все это несмотря на то, что человек не может быть верным ни одному из них против своей воли.

Ясно, что принцип политической свободы не допускает более строгого закона об измене, чем вышеизложенный. Отсутствие у слабой группы свободы заложено в природе любого другого политического принципа, но политическая свобода всегда означает свободу слабых. Только слабые подвергаются угнетению. Сильные всегда свободны благодаря своей превосходящей силе. До тех пор, пока правительство представляет собой соревнование за право повелевать другой стороной, слабые всегда будут вынуж-

дены подчиняться. И вне зависимости от того, пулями ли или бюллетенями ведется борьба, идея одна и та же, поскольку при существующей концепции правительства бюллетень либо означает 50 пулю, либо не означает ничего. И никто не способен последовательно пользоваться бюллетенем без намерения использовать пулю, если она пригодится в качестве гарантии повиновения бюллетеню.

x

До сей поры проблема нашего правительства на практике была в том, что стоявшие во главе его полагали очевидной маловажность буквы Конституции; полагали, что в ней не написано то, что имеется в виду, и не имеется в виду то, что написано; что за ее победу ответственны жулики (коими многие из ее авторов несомненно были), которые много хорошего имели сказать, не имея ничего из этого в виду, и много плохого, что в итоге умалчивали; что эти люди, притворяясь правительством, зависящим от согласия целого народа, имели целью заманить этот народ под власть отдельной его части; что их власть и продажность помогли им украсть у слабой его части все то хорошее, о чем они говорили, не имея в виду, и подвергнуть ее всему плохому, что они имели в виду, умалчивая. И большая часть стоявших во главе правительства полагали, что их жульнические намерения претворятся в реальность вместо того, что написано в Конституции. Из всех их афер нет ни одной преступнее, чем афера с изменой. Она преступнее всех, ибо столь же преступна, сколь и все остальные, но в то же время включает в себя все остальные. Она делает все остальные их аферы действительными. Правительство, которое способно по собственной прихоти обвинять, расстреливать и вешать людей за измену только лишь по тому преступному поводу, что те отказались предать себя и свою собственность в безраздельное подчинение воле властей, может угнетать кого угодно и каким угодно способом.

Итог сего — само собой, закономерный — был в том, что наши правительства, что в отдельных штатах, что фе-

деральное, посвящали себя преступлениям всех возможных видов и степеней тяжести, которые правительства когда-либо совершали против своих жертв. Эти преступления привели к войне, унесшей миллионы жизней, войне, которую одна сторона вела во имя рабства личного, а другая — во имя рабства политического: ни одна не боролась ни за свободу, ни за справедливость, ни за правду. И эти преступления совершали, эту войну вели те же люди и потомки тех людей, которые меньше века тому назад заявляли, что все люди равны и лишь тогда обязаны служить другим людям или быть верными правительствам, когда дадут на то свое согласие.

# xi

Не случилось еще у цивилизованных людей такого предложения, такого посягательства на управление и порабощение другими — кроме, быть может, возникшей у некоторых идеи «божественного права», — которое столь неприкрыто воплощало бы всю ту бессмыслицу, всю ложь, всю дерзость, весь грабеж, все злоупотребления властью, всю тиранию и всевозможные прочие злодеяния, сколь непрерывно воплощала их попытка организовать правительство по принципу согласия, с действительно данного согласия лишь того числа людей, которого было бы достаточно для силового удержания власти над остальными. Такое правительство представляет собой обычный заговор сильных против слабых. Оно полагается на согласие не более, чем худшее правительство в мире.

Чем заменяется согласие слабой группы, чьи права, таким образом, уничтожены, стерты сильными с лица земли? Вот чем: их согласие подразумевается! То есть их поработители снисходительно и милостиво подразумевают, что порабощенные ими согласны полностью предать свою жизнь, свободу и собственность в руки тех, кто захватил власть над ними! И делается вид, будто этого подразумеваемого согласия — в отсутствие действительно данного согласия — достаточно для сохранения прав жертв и для оправдания поработителей! Так каждый разбойник может оправдаться, предположив, что путник согласен расстать-

ся с деньгами. Так каждый убийца может оправдаться, просто предположив, что его жертва согласна расстаться с жизнью. Так же каждый рабовладелец может оправдаться перед собой, предположив, что рабы согласны на его власть, на плети и на грабеж, совершаемый им против них. Предположение состоит всего лишь в том, что слабые согласны быть рабами.

Такого вот предположения нашему правительству достаточно для оправдания власти, удерживаемой им над его невольными поданными. Именно установление этого предположения в качестве непоколебимого и вечного закона нашей страны потребовало такого количества денег и крови.

# НЕ ИЗМЕНА

## НОМЕР ШЕСТОЙ — КОНСТИТУЦИЯ БЕЗ ВЛАСТИ



Первый и второй номера этой серии вышли в 1867 году. По причинам, объяснять которые надобности нет, теперь публикуется шестой, опережая третий, четвертый и пятый.

Конституция не наделена никакой неотъемлемой властью или долгом. Она не наделена вообще никакой властью или долгом, кроме как в качестве договора между человеком и человеком. А она даже не заявляет, что является договором между ныне живущими людьми. Наибольшее, что она заявляет — что является договором между людьми, жившими восемьдесят лет назад. И можно предположить, что и в то время она была договором только между людьми, достигшими зрелости, и потому способными заключать разумные договоры об обязательствах. К тому же история нам сообщает, что только малой части живших тогда людей дали высказаться или ответить, или выразить свое согласие или несогласие сколько-нибудь формальным образом. Эти люди, если были вообще такие, кто выразил формально свое согласие, ныне все мертвы. Большая их часть умерла сорок, пятьдесят, шестьдесят или семьдесят лет назад. И Конституция, будучи договором, заключенным между ними, умерла вместе с ними. У них не было никакой естественной власти или права обязать ей своих детей. Дело не только в том, что природа вещей не допускает за ними способности наделять потомков обязательствами, но и в том, что они даже не пытались этого сделать. А именно, в документе не сказано ничего, кроме того, что это договор тогда жившего «народа»; документ не заявляет и не намекает, что этот народ обладал правом, властью или положением, необходимыми для наложения обязательств на кого-либо, помимо себя самого. Вот что говорится в тексте:

Мы, народ Соединенных Штатов [то есть живший на тот момент народ], с целью образовать более совершенный Союз, установить правосудие, гарантировать внутреннее спокойствие, обеспечить совместную оборону, содействовать всеобщему благоденствию и закрепить блага свободы за нами и потомством нашим провозглашаем и устанавливаем настоящую Конституцию для Соединенных Штатов Америки.

Очевидно, во-первых, что такая формулировка соглашения признается, чем она только и могла являться, а именно — договором между тогда жившими людьми; и, разумеется, договором, 54 обязывающим только тех, кто в то время жил. Во-вторых, формулировка не заявляет и не намекает, что они были наделены правом или властью обязать своих «потомков» жить согласно этому договору. В тексте не сказано, что их «потомки» будут жить, будут вынуждены жить или будут обязаны жить в соответствии с ним. В действительности сказано только, что эти люди принимали его, надеясь и планируя, что он может помочь их потомкам, как и им самим, подержав их союз, безопасность, спокойствие, свободу и т.д. Представим, что заключено следующее соглашение:

**Мы, народ Бостона, договариваемся обеспечивать форт на Губернаторском острове ради защиты себя и своих потомков от вторжения.**

Такое соглашение никак не могло бы обязывать никого, кроме живущих в то время людей. Помимо этого, оно не могло бы заявлять о праве, власти или положении этих людей, позволивших бы им заставить их «потомков» обеспечивать такой форт. Оно бы лишь указывало на то, что предполагаемое благосостояние потомков было одной из причин заключить соглашение.

Когда человек говорит, что строит дом для себя и своих потомков, он не имеет в виду, что хочет обязать их — и невозможно помыслить, что он настолько глуп, что воображает себя наделенным правом или властью обязать их — в этом доме жить. Все, что он может иметь в виду в их отношении — это то, что он строит дом, надеясь и планируя, что они или хотя бы кто-то из них найдут в этом доме свое счастье.

И когда человек говорит, что сажает дерево для себя и своих потомков, он не имеет в виду, что собирается заставить их — и невозможно помыслить, что он, олух такой, воображает, будто у него есть право или власть заставить их — есть его плоды. Все, что он может иметь в виду в отношении потомков — что он сажает это дерево, надеясь

и планируя, что им понравятся его плоды.

Так дело и обстояло с теми, кто изначально принял Конституцию. Каковы бы ни были их личные намерения, в отношении «потомков» их юридические формулировки означали только, что они заключали соглашение, надеясь и планируя, что для их потомков оно окажется полезным и приемлемым; что оно поможет поддержать их союз, безопасность, спокойствие и благосостояние; и что оно поможет им «заручиться благами свободы». Формулировка не заявляет и ничем не намекает, что у них было какое бы то ни было право, власть или положение, которое позволило бы им заставить их «потомков» жить в полном соответствии с этим соглашением. Если бы они хотели обязать своих потомков жить согласно ему, им бы следовало сказать, что их задачей было не «заручиться благами свободы», а сделать потомков рабами, ибо если они вынуждены жить согласно ему, то они всего лишь рабы своих глупых и тираничных мертвых дедов.

Нельзя заявлять, что Конституция навсегда сформировала сообщество «народа Соединенных Штатов». В ней не говорится о «народе» как о сообществе — только как о личностях. Сообщество не говорит о себе «мы» или «народ» или «мы сами». И потомков, говоря языком закона, у сообщества быть не может. Сообщество думает и говорит о себе как о носителе вечного бытия в качестве единственной личности.

К тому же никакая группа одновременно живущих людей не может образовать сообщество навечно. Сообщество может стать вечным на практике только при добровольном вхождении новых членов, когда старые умирают. Но для этого добровольного вхождения новых членов само сообщество обязательно умирает вместе с теми, кто его изначально образовал.

Следовательно, говоря юридически, в Конституции нигде не провозглашается попытка наложить обязательства на потомков ее учредителей.

В таком случае, если у людей, ее учредивших, не было власти обязать потомков и они не пытались этого сделать, встает вопрос, взяли ли их потомки на себя обязательства самостоятельно. Если это так, они могли это сделать, лишь воспользовавшись одним из двух способов

или обоими из них: это участие в голосованиях и уплата налогов.

Углубимся в эти два вопро- ii  
са, голосование и уплату  
налогов. Начнем с голосо-  
вания. Все голосования,  
когда-либо проводившиеся  
по закону Конституции,  
были такого характера, что  
они не только не заручили  
Конституцию поддержкой  
всего народа, но даже не за-  
ручили ее поддержкой од-  
ного человека, как покажут  
следующие соображения. ■

(1) По самой природе вещей, голосование может налагать обязательства только на тех, кто в нем участвует. Но благодаря имущественным цензам, вероятно, что в течение первых двадцати или тридцати лет действия Конституционного закона, не более одной десятой, пятнадцатой или даже двадцатой части всего населения (черных и белых, мужчин, женщин и детей) имели право голоса. Следовательно, говоря о голосовании, не больше одной десятой, пятнадцатой или двадцатой части тогда живших людей могли быть каким бы то ни было образом связаны долгом поддержать Конституцию.

В настоящее время, весьма вероятно, что не больше одной шестой части населения имеет право голоса. Соответственно, гово-

ря о голосовании, остальные пять шестых не имели никакой возможности поклясться

<sup>57</sup> поддерживать Конституцию.

(2) Из той шестой части, которая обладает правом голоса, скорее всего, не более двух третей (то есть примерно одной девятой части всего населения) действительно участвовали в голосованиях. Многие не голосуют никогда. Многие голосуют раз в два, три, пять или десять лет, в периоды больших волнений.

Никто не может взять на себя обязательства посредством голосования на большой срок, нежели тот, на который это голосование распространяется. Если, к примеру, я голосую за служащего, который будет занимать пост в течение одного года, нельзя считать, что я поклялся поддерживать его управление на большой срок. Следовательно, в случае с настоящими голосованиями, скорее всего, не более одной девятой или одной восьмой части всего населения обычно находятся под обязательством поддерживать Конституцию.

(3) Невозможно утверждать, что, голосуя, человек клянется поддерживать Конституцию, если свой голос он отдает не вполне добровольно. Для довольно значительной доли голосующих голосование невозможно действительно называть добровольным. Наоборот, это нужда, которую возлагают на них другие люди, а не их собственный выбор. Вер-

## ШЕСТОЙ

нусь здесь к уже сказанному мной в предыдущем номере<sup>1</sup>, а именно:

58 По правде говоря, когда речь идет о личностях, мы и отданный ими голос не можем считать доказательством согласия, даже временного. Наоборот, стоит обратить внимание, что человек, чьего согласия ни разу не спросили, оказывается помещен под юрисдикцию правительства, сопротивляться которому он не в состоянии; это правительство, которое вынуждает его платить деньгами, трудом и отказываться от множества его естественных прав под страхом тяжкого наказания. Он видит, что другие люди пользуются этой властью над ним при помощи бюллетеня. Он также видит, что, стоит ему только воспользоваться бюллетенем самому, у него появляется шанс освободиться из-под власти других, подчинив их собственной власти. Иными словами, не дав своего на то согласия, он находится в таком положении, что, воспользовавшись бюллетенем, может стать господином; отказавшись им воспользоваться, он непременно станет рабом. И выбора помимо этих

двух у него нет. Он пробует первое, чтобы сберечь себя. Его положение аналогично положению человека, выгнанного на поле боя, который должен либо убивать, либо умереть. Поскольку ради спасения собственной жизни человек стремится отнять жизни других, мы предполагаем, что бьется он не по своей воле. Так же и в борьбе на бюллетене, на поверку всего лишь подменяющем пулю: поскольку человек прибегает к бюллетеню как к единственному шансу на спасение, мы вынуждены предположить, что эту битву он сам не выбирал и что свои естественные права на кон против прав остальных в игре на численное превосходство добровольно не ставил. Наоборот, мы должны признать, что в тех чрезвычайных обстоятельствах, в которые он был загнан другими и в которых он не располагает иными методами самообороны, он вынужденно пользуется тем единственным, который у него остается. [REDACTED]

Вне сомнений, несчастнейшие из людей, под властью самого тираничного правительства в мире воспользовались бы бюллетенем, увидь они

малейший шанс, если бы видели малейшую возможность таким образом улучшить свое положение. Но из этого невозможно было бы сделать резонный вывод, что то правительство, которое их угнетает, было сформировано ими самими или по их согласию.

Следовательно, право голоса человека, согласно Конституции Соединенных Штатов, не является свидетельством, что он когда-то согласился на эту Конституцию, пусть даже временно. Из этого выходит, что у нас нет доказательств, что даже из настоящих участников выборов в Соединенных Штатах сколько-нибудь значительная часть когда-либо действительно добровольно дала свое согласие на Конституцию, пусть даже временно. И таких доказательств у нас никогда не будет, до тех пор, пока каждый не будет совершенно волен согласиться или отказаться, не подвергая тем самым себя и свою собственность урону и посягательству остальных. [REDACTED]

Поскольку мы не можем юридически установить, кто голосует по собственному выбору а кто по возложен- 60 ной на него нужде, мы также не можем юридически установить, происходит ли голосование по личному выбору, в случае каждой отдельной личности; и, следовательно, действительно ли эта личность соглашается или клянется поддерживать правительство. То есть, следуя юридической логике, голосования совершенно не способны обеспечить правительство ничьей поддержкой. Они никак не доказывают, что правительство зависит от чьей-либо добровольной поддержки. Исходя из общих принципов закона и здравого смысла, невозможно вообще заявлять, что у правительства есть добровольные сторонники, не указав точно на личности этих сторонников.

(4) Поскольку налогами облагается каждый, вне зависимости от того, голосует он или нет, значительная доля голосующих несомненно делают это с целью предотвратить использование их собственных денег против них самих; хотя они с удовольствием воздержались бы от голосования, если бы могли таким образом избежать одного только налогообложения, не говоря уже об остальных злоупотреблениях властью и тирании правительства. Если забрать у человека его собственность, чтобы затем увериться в его

на то согласии, поскольку он пытается своим голосом предотвратить использование его собственности себе во вред, выходит <sup>61</sup> весьма слабое доказательство его согласия поддержать Конституцию. Точнее, никакого доказательства не выходит. А так как мы юридически не можем выяснить личности тех ее сторонников, если такие и есть, которые готовы облагаться налогом взамен на право голоса, мы не можем юридически установить, что любой отдельный человек согласен облагаться налогом взамен на право голоса; или, соответственно, что он согласен поддерживать Конституцию.

(5) Практически на всех выборах голоса отдаются за различных кандидатов на один и тот же пост. О тех, кто голосуют за проигравших кандидатов, неправильно было бы сказать, что они голосуют в поддержку Конституции. О них можно с большим основанием сказать, что они голосуют не в ее поддержку, а именно ради предотвращения тирании, которую они ожидают от победившего кандидата под знаменем Конституции; и, следовательно есть основание полагать, что они голосуют против самой Конституции. Такое предположение более резонно, учитывая то, что голосование — это единственный способ выражения несогласия с Конституцией.

(6) Много голосов обычно отдается канди-

## ШЕСТОЙ

датам без шанса на победу. О тех, кто отдает эти голоса, можно небезосновательно предположить, что они <sup>62</sup> так голосуют с особым намерением не поддержать, но остановить исполнение закона Конституции; и, следовательно, голосуют против самой Конституции.

(7) Поскольку все отдельные голоса отдаются втайне (тайным голосованием), не существует юридического механизма для выяснения, исходя из самих голосов, кто голосует за и кто голосует против Конституции. Поэтому голосование не предлагает никакого легального доказательства поддержки любым человеком Конституции. А если не существует легального доказательства поддержки любым человеком Конституции, с юридической точки зрения, ничью поддержку Конституции доказать нельзя. Очевидно, что, когда намерения одного человека недоказуемы, намерения большой группы людей тем более доказать невозможно.

(8) Поскольку намерения каждого в процессе голосования недоказуемы, нам остается их только угадывать. Одна догадка состоит в том, что, с большой долей вероятности, значительная доля голосующих руководствуются следующим принципом: если голосование просто помогло бы им (или их друзьям) забрать себе власть правительства и исполь-

зовать ее против их противников, то они бы охотно поддерживали Конституцию; однако, <sup>63</sup> если власть отойдет их противникам и те воспользуются ею против них самих, тогда они бы не поддерживали Конституцию.

Иными словами, добровольная поддержка Конституции, вне всякого сомнения, для большей части людей целиком зависит от того, смогут ли они с помощью Конституции стать господами или будут поработаны.

Такое условное согласие не является ни для закона, ни для здравого смысла согласием в принципе.

(9) Поскольку каждый, кто поддерживает Конституцию голосом (если такие существуют), делает это втайне (тайным голосованием) и так, чтобы избежать всякой личной ответственности за деяния своих служащих и представителей, невозможно говорить — ни юридически, ни с позиций здравого смысла, — что кто-то вообще поддерживает Конституцию голосом. Невозможно утверждать, что человек изъявляет согласие или поддерживает Конституцию, если он не делает этого открыто и таким образом, чтобы ответственность за поступки его служащих и представителей легла на него до тех пор, пока они действуют в пределах власти, полученной ими от него.

(10) Поскольку все голосуют тайно (тайным

## ШЕСТОЙ

голосованием), а все тайные правительства всегда на самом деле являются всего лишь тайными шайка- 64 ми воров, тиранов и убийц, один тот факт, что наше правительство практически целиком полагается на такой метод голосования только доказывает, что среди нас действует тайная шайка воров, тиранов и убийц, чья задача в том, чтобы грабить, порабощать и, насколько это потребуется для достижения их целей, убивать всех остальных. Сам факт существования этой шайки никоим образом не помогает доказать, что «народ Соединенных Штатов» или любой отдельный его член добровольно поддерживает Конституцию.

По всем вышеприведенным причинам голосование не предоставляет никакого юридического указания на личности тех (если они существуют), кто добровольно поддерживает Конституцию. Таким образом, оно не предоставляет никакого юридического доказательства, что кто-то вообще поддерживает ее добровольно. [REDACTED]

Итак, коль скоро речь идет о голосовании, с юридической точки зрения, у Конституции в принципе нет сторонников. [REDACTED]

В сущности, нет ни малейшего шанса, что у Конституции есть хоть один настоящий сторонник во всей стране. Говоря точнее, нет ни малейшего шанса, что есть хоть один человек во всей стране, кто одновременно понимает истинную суть Конституции и искренне поддерживает эту суть. [REDACTED]

Те, кто кажутся сторонниками Конституции, как и в случае со сторонниками большей части других правительств, состоят из трех типов людей.

А именно: [REDACTED]

1. Подлецы, многочисленный и деятельный тип, воспринимающий правительство как инструмент

для собственного продвижения или обогащения. 2. Глупцы — вне сомнения, большая группа людей, каждый из которых — поскольку ему дарован один из миллионов голосов для решения своей судьбы и судьбы своей собственности, и поскольку ему дозволено этот голос использовать для грабежа, порабощения и убийства других, так же, как и другим позволено использовать голоса для грабежа, порабощения и убийства его самого, настолько глуп, что воображает себя «свободным человеком», «сувереном», убежден что живет при «добровольном правительстве»; при «равноправном правительстве», «лучшем правительстве в мире<sup>2</sup>», и прочих глупостях. 3. Люди, которые до некоторой степени осознают пороки правительства, но либо не понимают, как от них избавиться, либо выбирают не жертвовать своими частными интересами в достаточной мере, чтобы честно и искренне отдаться работе над изменениями. [REDACTED]

Поскольку уплата на- iii  
логов обязательна, она,  
естественно, никак не  
доказывает, что кто-либо 66  
добровольно поддерживает  
Конституцию. [REDACTED]

(4) Действительно, теоретически наша Конституция предполагает, что все налоги уплачиваются добровольно и что наше правительство — общество взаимного страхования, в которое люди вступают совместно и добровольно; что каждый из них заключает независимый и абсолютно добровольный договор со всеми остальными субъектами Конституции, чтобы платить такое-то количество денег за такое-то количество защиты, как и во всяком другом страховом обществе; и что он столь же волен отказаться от защиты и не платить налога, сколь он волен платить налог и быть под защитой.

Но такая теория нашего правительства целиком разнится с тем, как дело обстоит на практике. На практике правительство, как разбойник, говорит человеку: «Кошелек или жизнь». И многие, если не большинство, платят налоги исходя из этой угрозы.

Правительство, конечно, не подстерегает человека в уединенном месте, не выпрыгивает на него с обочины и не шарит по его карманам, приставив пистолет к его виску. Но грабеж от того грабежом быть не переста-

ет; наоборот, он от того только подлее и позорнее.

<sup>67</sup> Разбойник принимает на себя одного ответственность, риск и вину за свой поступок. Он не притворяется, что твои деньги принадлежат ему по праву или что он использует их для твоего же блага. Он не притворяется ничем иным, кроме как грабителем. Ему не достает наглости представляться обыкновенным «защитником» и говорить, что он отнимает деньги у людей исключительно с целью «защитить» этих безрассудных путников, которые полагают, что сами прекрасно могут себя защитить, или не разделяют его специфического подхода к защите. Грабитель слишком разумен, чтобы такое заявлять. Более того, как только он забирает твои деньги, он уходит, чего ты и хочешь. Он не следует за тобой по дороге против твоей воли; не притворяется, что он по праву твой «суверен» из-за той «защиты», которую тебе оказывает. Он не продолжает свою «защиту» приказами кланяться и служить ему, требуя одного и запрещая другое; он не ворует у тебя еще больше, как только ему вздумается или захочется; не клеймит тебя бунтовщиком, изменником, врагом родины и не расстреливает тебя без всякого сожаления, стоит тебе только оспорить его власть или воспротивиться его требованиям. Раз-

## ШЕСТОЙ

бойник слишком галантен, чтобы самозванствовать, оскорблять и злодействовать вот так. Одним словом, <sup>68</sup> он не пытается, уже ограбив, еще и одурачить или поработить тебя.

Поступки же этих воров и убийц, которые зовутся «правительством», прямо противоположны поступкам одинокого разбойника.

Во-первых, в отличие от него, они не приглашают своих личностей и, соответственно, не берут на себя ответственности за свои действия. Наоборот, они втайне (тайным голосованием) назначают кого-то из своего числа грабителем от их лица, оставаясь совершенно незаметными на деле. Этому назначенному они говорят:

«Иди к такому-то и скажи ему, что “правительство” нуждается в деньгах на защиту его собственности и его самого. Если он позволит себе сказать, что никогда не нанимал нас его защищать и не хочет, чтобы мы его защищали, скажи ему, что это наше дело, а не его; что мы решили его защищать, хочет он того или нет; и что за защиту мы требуем оплаты. Если он посмеет спросить, кто такие эти люди, которые решили назваться “правительством” и защищать его, требуя с него оплаты, несмотря на то, что никакого договора заключено между ними не было, скажи ему также, что это тоже наше дело, а не его;

что мы решили свои личности ему не раскрывать; что мы втайне (тайным голосованием) назначили тебя своим служащим, чтобы ты сообщил ему о наших требованиях и, если он с ними согласится, чтобы ты выдал ему чек, который его защитит от подобных требований на текущий год. Если же он откажется повиноваться, отбери и продай такое количество его собственности, которое оплатит не только наши требования, но и все твои траты и беспокойство сверх того. Если он воспротивится изъятию его собственности, позови на помощь свидетелей (кто-то из них точно будет из нашей шайки). Если он, защищая свою собственность, вдруг убьет кого-нибудь из нашей шайки, кто тебе помогал, схвати его любой ценой; осуди его (в одном из наших судов) за убийство; приговори и повесь его. Если он позовет своих соседей или кого угодно еще, кто может быть подготовлен сопротивляться нашим требованиям, и они придут толпой ему на подмогу, кричи, что они все бунтовщики и изменники; что “наша страна” в опасности; позови командующего нашими наемными убийцами; скажи им задавить бунт и “спасти страну”, чего бы это ни стоило. Скажи ему убить любого, кто будет сопротивляться, пусть их даже будут сотни или тысячи; и повергни таким образом в ужас всех, кто может помыслить о по-

## ШЕСТОЙ

добном. Удостоверься, что убийцы поработали хорошо; чтобы нам больше не пришлось ждать неприятностей от него и ему подобных. Когда эти изменники увидят нашу силу и упорство, они станут прекрасными законопослушными гражданами на многие годы и налоги будут платить без лишних “зачем” и “почему”».

Именно так принуждают платить так называемые налоги. И нет никакой нужды распространяться о том, как успешно уплата налогов доказывает, что народ согласен «поддерживать правительство».

(2) Еще одна причина, по которой уплата налогов не подразумевает под собой ни согласия, ни клятвы поддерживать правительство, состоит в том, что налогоплательщик не знает и не может узнать личности тех, кто составляет «правительство». В его глазах «правительство» — миф, абстракция, дух, с которым никакого договора не заключишь и которому невозможно выразить согласие или поклясться. Он видит его только в лице его заявленных служащих. Само «правительство» он не видит никогда. Он, естественно, знает из слухов, что определенные люди, достигшие определенного возраста, имеют право голоса и, следовательно, право стать частью или (если они того пожелают) противниками правительства на некоторый срок.

Но кто из них пользуется этим правом и тем более как именно они голосуют он не знает; <sup>71</sup> ведь все голосуют втайне (тайным голосованием). Кто же тогда в действительности составляет «правительство» на этот срок, он узнать не может. Разумеется, он не может заключить с ними договор, выразить им согласие или поклясться им. Уплата им налогов никак не может в таком случае означать с его стороны ни договора, ни согласия, ни клятвы поддерживать их — то есть поддерживать «правительство» или Конституцию.

(3) Не зная отдельных личностей, называющих себя «правительством», налогоплательщик не знает, кому он платит налоги. Все, что он знает, — это то, что к нему приходит человек, представляется служащим «правительства» — то есть тайной шайки воров и убийц, которые взяли себе титул «правительства» и постановили убить любого, кто откажется отдать им столько денег, сколько они потребуют. Он платит этому служащему, чтобы сохранить себе жизнь. Но поскольку служащий не сообщает налогоплательщику личности своих руководителей, тот, отдав деньги, не узнает, кем же было «правительство» — то есть кем были ограбившие его — и остается в вечном неведении. В таком случае сказать, что отдавая свои деньги их служащему, он заключает с ними добровольный договор,

## ШЕСТОЙ

клянется им повиноваться, поддерживать их и продолжать отдавать им столько денег, сколько они потре- 72 буют в дальнейшем, значит сказать абсолютную чушь.

(4) Любая так называемая политическая власть полагается на эти самые деньги. Любое сборище мошенников, обладая поначалу должным количеством денег, может сформироваться в «правительство», поскольку, имея деньги, они могут нанять солдат, чтобы вымогать еще больше и чтобы в принципе заставлять людей подчиняться своей воле. Именно в правительстве — как, по словам Цезаря, было на войне — деньги и солдаты взаимно поддерживают друг друга, поскольку за деньги можно нанять солдат, чтобы вымогать еще больше. И эти злодеи, именующие себя правительствами, прекрасно понимают, что их власть полагается, в первую очередь, именно на деньги. За деньги они могут нанять солдат, чтобы те вымогали еще больше. И когда их власть отвергается, первое применение их деньгам — нанять солдат, чтобы те убили или подчинили всех, кто отказывается отдавать им еще больше денег.

По этой причине, если кто-то желает свободы, он должен осознавать следующее: 1. Каждый, кто дает деньги так называемому «правительству», дает ему меч, который будет затем использован против него самого

в целях дальнейшего вымогательства денег и поддержания его в состоянии покорности капризной воле этого правительства. 2.

73 Те, кто в первый раз заберет его деньги без его согласия, используют их, чтобы и дальше продолжать воровать у него и порабощать его, если он посмеет не согласиться с их требованиями в будущем. 3. Полной нелепостью было бы предположить, что какая-то группа людей, отнимающая деньги человека без его согласия, делает это ради той цели, которую они заявляют, то есть ради его же защиты, ведь зачем им его защищать, если он сам того не хочет? Это предположение столь же глупо, сколь предположение, что они отнимают его деньги без его согласия с целью купить ему еду или одежду, когда он того не хочет. 4. Если человек хочет «защиты», он в состоянии самостоятельно ее себе купить; и никто не должен его грабить только для того, чтобы «защитить» против его воли. 5. Единственная уверенность в политической свободе, которая может быть у людей, состоит в том, чтобы их деньги оставались у них в карманах до тех пор, пока у них не будет полностью удовлетворяющих их гарантий, что ими воспользуются так, как они того хотят, на их собственное благо и не во вред им. 6. Никакое так называемое правительство ни на секунду не заслуживает доверия

## ШЕСТОЙ

в отношении чистоты его намерений, если оно не полагается целиком и полностью на добровольную <sup>74</sup> поддержку.

Эти факты столь жизненно важны и самоочевидны, что невозможно предположить, что кто-либо может добровольно платить «правительству» за предлагаемую им защиту, не заключив заблаговременно прозрачный и полностью добровольный договор об этом. [REDACTED]

Ясно в таком случае, что ни голосование, ни уплата налогов в том виде, в котором они проходят в настоящий момент, не доказывают ничье согласие и ничье обязательство поддерживать Конституцию. Из этого следует, что у нас нет совершенно никаких указаний на то, что Конституция обязывает кого бы то ни было или что кто бы то ни было обязан каким-либо договором или долгом ее поддерживать. И никто ее поддерживать не обязан. [REDACTED]

Конституция не только не связывает никого обязательствами — она никогда этого не делала. Она никогда никого не обязывала, поскольку 76 ку никто никогда не давал своего согласия на то, чтобы она, исходя из общих принципов закона и здравого смысла, к чему-либо его обязала. Один из общих принципов закона и здравого смысла состоит в том, что письменный документ не обязывает никого до тех пор, пока его не подпишут. Это настолько нерушимый принцип, что даже в том случае, если человек не умеет писать свое имя, он все равно должен «оставить свою отметину», чтобы его обязал к чему-либо письменный договор. Эта традиция зародилась в незапамятные времена, когда мало кто умел писать свое имя; когда писарь — то есть кто-то, кто умеет писать — был настолько редким и ценным человеком, что, даже если он обвинялся в особо тяжком преступлении, ему полагалась амнистия, поскольку народ не мог обойтись без его услуг. Даже в то время письменный договор необходимо было подписывать, а люди, которые писать не умели либо «оставляли отметину», либо ставили свою печать на воске, налитом на лист договора. Отсюда традиция печатей на бумагах, которая продолжается до сей поры.

Согласно закону и здравому смыслу, если документ не подписан, нужно предположить, что сторона, которую он должен был обязать, решила не подписывать его, не брать на себя эти обязательства. И закон, и здравый смысл позволяют ему ждать до последней минуты, чтобы решить — подпишет он или нет. Ни закон, ни здравый смысл не требуют и не ожидают от человека, что он согласится с документом до того, как тот будет составлен, поскольку до тех пор, пока он не будет составлен, невозможно узнать его точное юридическое значение. А вот когда он составлен, и у человека была возможность установить в точности его юридическое значение, но не раньше, от него ожидается, что он решит — согласиться с ним или нет. И если после этого он не подпишет, подразумевается, что его причина на то состоит в нежелании заключать такой договор. Тот факт, что документ был составлен, чтобы человек его подписал или в надежде, что он это сделает, ничего не значит.

Где пролегли бы границы обманов и судебных исков, если одна из сторон могла бы принести в суд письменный документ без всякой подписи и потребовать, чтобы его привели в действие на том основании, что он был составлен с целью, чтобы человек его подписал? на том основании, что этот человек пообещал его подписать? что он должен был его подписать? что у него была возможность его подписать, если он собирался, но при этом отказался или не потрудился этого сделать? А ведь мы не можем ничего большего сказать о Конституции<sup>3</sup>. Те самые судьи, которые заявляют, что вся их власть проистекает из Конституции — из документа, который никто никогда не подписывал — отвергли бы любой другой документ без подписи, если бы им показали его в ходе разбирательства.

Более того, письменный документ обязан быть, согласно закону и здравому смыслу, не только подписанным, но и доставленным стороне (или кому-то, кто ее заменит), в чью пользу он составлен, чтобы та могла взыскать обязательства с подписавшей стороны. Подпись не имеет силы, если документ не доставлен по назначению. А подписывающая сторона вольна уже подписанный документ не доставлять по назначению. Конституцию не только никогда не подписывали, но и не доставляли никому, и ничьему служащему или законному представителю. Она, таким образом, обладает не большей силой в качестве договора, чем любой другой документ, который не подписали и не доставили по назначению.

## v

В качестве дополнительного доказательства человеческого здравомыслия в отношении существующей практической необходимости, чтобы все важные договоры, особенно действующие в течение неопределенного периода времени, были представлены в письменном виде и подписаны, особую ценность представляют нижеприведенные факты.

На протяжении почти двухсот лет — конкретнее, с 1677 года — в своде законов Англии присутствовал (а также аналогичный по содержанию, если и не по фор-

мулировке, был включен и ныне действует во всех или почти всех Штатах Союза) статут, общая цель которого заключается в том, чтобы запретить любое принуждение к выполнению более важ- 78 ных договоров, если они не содержатся в письменном виде и не подписаны сторонами, привлекаемыми к ответственности<sup>4</sup>. Идея статута, если в него углубиться, не только в том, что письменные договоры необходимо подписывать, но также и в том, что все договоры, кроме особых исключений (обычно это договоры на малые суммы и малые сроки) должны быть выполнены в письменной форме и подписаны.

Причина существования статута в отношении данного вопроса в том, что сейчас людям очень легко выполнять договоры в письменной форме и подписывать их — если же они этого не делают, потенциал сомнений, подлога и судебных разбирательств возрастает настолько, что люди, которые не утруждаются выполнять свои договоры — хоть сколько-нибудь важные — в письменной и подписанной форме, не заслуживают, чтобы правосудие помогало им принуждать других к исполнению их требований. И это мудрая мысль; и то, что опыт подтверждает ее мудрость и необходимость доказывается тем фактом, что она действует в Англии почти двести лет и настолько повсеместно принята в нашей стране — и никто даже не думает ее отменить.

Мы все также знаем, насколько люди в большинстве своем аккуратны в отношении составления и подписания договоров, даже если статут того не требует. К примеру, большая часть людей, если им должны даже не больше пяти или десяти долларов, не забудут взять о том расписку. Принимая даже небольшой доставленный товар и расплачиваясь при получении, они берут расписку о выдаче. Уплачивая малый долг по банковскому счету или любой другой ранее приобретенный малый долг, они берут чек в письменном виде.

К тому же закон, вероятно, повсеместно в нашей стране, так же, как и в Англии, требует, чтобы большой сегмент договоров, таких как завещания, свидетельства о собственности и т.д. были не только составлены в письменном виде и подписаны, но также запечатаны, заключены при свидетелях и заверены. А в случае с замужними

женщинами, передающими свои права на недвижимость, закон во многих штатах требует, чтобы с женщинами проводился разговор об их решении отдельно от их мужей, дабы исключить вероятность давления или влияния со стороны последних.

Таковы некоторые меры предосторожности, которых требует закон и которые люди — исходя из элементарного благоразумия — даже тогда, когда закон того не требует, принимают, фиксируя свои договоры на бумаге, следя, чтобы они были подписаны, и остерегаясь любой неопределенности и противоречивости в их содержании и юридической силе. И в то же время мы имеем документ, представляющийся или называющий себя договором — Конституцию — документ, написанный восемьдесят лет назад давно умершими людьми, у которых никогда не было власти нас обязать, и притом он (как утверждают) тем не менее обязал три поколения людей — много миллионов человек — и (как утверждают) обяжет все те миллионы, что еще не родились. Этот документ никто никогда не подписывал, не запечатывал, не отправлял по назначению, не заключал при свидетелях и не заверял; его читало или даже просто видело, а также когда-либо прочтет или увидит малое число людей, в сравнении с общим числом тех, о ком утверждают, что они имеют обязательства на основании этого документа. А из тех, кто когда-то его читал или когда-либо прочтет, хорошо если есть хотя бы двое, — но, скорее всего, не найдется даже двух таких, кто согласился или согласится с тем, что в нем написано.

К тому же этот якобы договор, который никакое правосудие, назначенное его же властью, не приняло бы в качестве доказательства долга одного человека перед другим в размере и пяти долларов, отличается тем, что — как обычно его трактуют те, кто заявляет, о его применении — все мужчины, женщины и дети по всей стране и во все времена по этому договору отдают не только всю свою собственность, но также свободы и даже свои жизни в руки людей, которые по этому же якобы договору явно не несут никакой ответственности за то, как они этими жизнями, свободами и собственностью распорядятся. И мы настолько безумны или настолько нечестивы, что раз за разом уничтожаем собственность и жизни в попыт-

ках заставить людей исполнять этот якобы договор, который, поскольку он никогда никем не был подписан, то, исходя из общих принципов закона и здравого смысла — тех принципов, которыми мы 80 все руководствуемся в отношении других договоров — представляет собой глупейшую трату бумаги, никого не обязывающей, достойной только быть брошенной в огонь или, если все же сохранить документ, оставаться в качестве свидетельства и предупреждения о безрассудности и нечестности человечества.

vi

Сказать, что по Конституции — не в моем прочтении, а в прочтении тех, кто заявляет о ее применении — собственность, свободы и жизни всего народа Соединенных Штатов отдаются безраздельно в руки людей, которых, как Конституция сама указывает, никогда не «подвергнут допросу» в отношении того, как они поступят с этими жизнями, свободами и собственностью, было бы не преувеличением, а буквальной правдой.

Таким образом, Конституция (статья 1, раздел 6) указывает, что «ни за какие выступления либо участие в дебатах [или отданный голос] в любой из палат их [сенаторов и представителей] не могут подвергать допросу в каком-либо ином месте».

Вся законодательная власть предоставлена этим сенаторам и представителям (если они набирают две трети в голосовании<sup>5</sup>); а это положение защищает их от любой ответственности за составленные ими законы.

Конституция также позволяет им обеспечивать исполнение всех их законов, разрешая им не выдавать зарплаты, а также объявлять импичмент и убирать с поста любых чиновников судебной и исполнительной ветвей, которые отказываются их исполнять.

Таким образом, вся правительственная власть принадлежит им, и они лишены всякой ответственности за то, как они ей пользуются. Что это такое, если не абсолютная и бесконтрольная власть?

На это замечание не получится возразить, что эти

люди поклялись использовать свою власть в определенных пределах; ибо разве они беспокоятся — да и зачем им беспокоиться — о клятвах или пределах, когда в самой Конституции ясно сказано, что их никогда не «подвергнут допросу» и не привлекут вообще ни к какой ответственности за нарушение их клятв или за пересечение заявленных пределов?

Не выйдет на это замечание ответить и тем, что людей, наделенных такой абсолютной и бесконтрольной властью, должен выбирать народ (или его часть). Человек не перестает быть рабом, если ему разрешают выбрать нового господина раз в несколько лет. И народ не перестает быть рабами, если время от времени ему разрешают выбрать новых господ. Рабы они потому, что ныне и навсегда находятся в руках людей, чья власть над ними ныне и навсегда абсолютна и бесконтрольна<sup>6</sup>.

Право на абсолютное и бесконтрольное господство — это право собственника, а право собственника — это право на абсолютное и бесконтрольное господство. Они идентичны друг другу; одно обязательно предполагает другое. Они не существуют друг без друга. Если в таком случае Конгресс обладает этой абсолютной и бесконтрольной законодательной властью, которой Конституция — согласно их же трактовке — их наделяет, это может означать только то, что они владеют нами как собственностью. Если они владеют нами как собственностью, они наши господа, и их воля — наш закон. Если они не владеют нами как собственностью, то они не наши господа, и их воля сама по себе власти над нами не имеет.

Но эти люди, которые пользуются этим абсолютным и бесконтрольным господством над нами, не смеют честно назваться нашими господами или заявить о владении нами как собственностью. Они будут говорить, что они всего лишь наши слуги, служащие, доверенные лица и законные представители. Но в таком заявлении кроется нелепое противоречие. Человек не может быть моим слугой, служащим или законным представителем и в то же время не подчиняться мне и не отвечать передо мной за свои поступки. Неважно, что я его назначил и наделил властью. Если я сделал так, что он мне не подчиняется и не отвечает передо мной за свои поступки, он

больше не мой слуга, не служащий, не доверенное лицо и не законный представитель. Если я дал ему абсолютную, бесконтрольную власть над моей собственностью, я отдал ему собственность. Если 82 я дал ему абсолютную, бесконтрольную власть над собой, я сделал его своим господином и отдал ему себя в качестве раба. И не имеет значения, называл я его при этом господином или слугой, служащим или хозяином. Вопрос только в том, какой властью я его наделил. Абсолютной и бесконтрольной? Или же ограниченной и контролируемой?

По еще одной причине они не наши слуги, не служащие, не доверенные лица и не законные представители. И эта причина в том, что мы не берем на себя ответственность за их поступки. Если человек — мой слуга, служащий, мое доверенное лицо или законный представитель, я по определению беру на себя ответственность за все его поступки, которые он совершает в пределах той власти, которую я ему доверил. Если я доверил ему, как своему служащему, либо абсолютную власть, либо сколько угодно власти над людьми и объектами чьей-либо собственности, кроме меня самого, я тем самым по определению беру на себя ответственность перед этими людьми за любой ущерб, который он может им причинить, до тех пор, пока он действует в пределах власти, которую я ему доверил. Однако ни один человек, которому поступки Конгресса причинили личный ущерб или ущерб его собственности не может прийти к отдельным избирателям и возложить на них ответственность за эти поступки их так называемых служащих или представителей. Вот доказательство, что эти люди, якобы служащие народу, служащие всем, не служат на самом деле никому.

То есть, если никто конкретный не несет ответственность за поступки Конгресса, члены Конгресса никому не служат. А если они никому не служат, то каждый из них по отдельности отвечает за собственные поступки и за поступки всех, кто состоит у него на службе. И власть, которой они пользуются, — это всего лишь их личная власть. И по закону природы — высшему из законов — любой пострадавший от их поступков, любой лишенный ими собственности или свободы имеет такое же право возлагать на них за это ответственность, как имеет право это делать

с каждым прохожим. Он имеет столько же прав им сопротивляться, сколько прав он имеет сопротивляться всем остальным прохожим.

## vii

Очевидно в таком случае, что, исходя из общих принципов закона и здравого смысла — принципов, которыми мы все руководствуемся в правосудии и в повседневности — Конституция договором не является: она никого не обязывает и никогда не обязывала; а все, кто прикрывает свои поступки ее властью, на деле лишены какой бы то ни было власти; исходя из общих принципов закона и здравого смысла, они обычные тираны, и все остальные не только могут, но и морально обязаны относиться к ним соответственно.

Если народ нашей страны желает сохранить то правительство, которое описывается в Конституции, ему ничего не мешает подписать сам документ и объявить таким образом о своих желаниях открыто и с законной силой, самым разумным и необходимым в таких ситуациях образом, как показывает человеческое здравомыслие и опыт; так, чтобы взять на себя (что они и должны сделать) ответственность за поступки правительства. Но народ никогда не просили его подписать. И единственная на то причина в том, что всегда было понятно — народ его не подпишет; народ не настолько глуп и низок, чтобы хотеть его подписать; никакой разумный и честный человек этого делать сам (по крайней мере, в том виде, в котором это обычно подразумевается) не захочет; и он не имеет права принуждать к тому других. С точки зрения морали, такое обязательство ничем не лучше договоров, которые без подписей заключают между собой воры, грабители и пираты.

Если хоть сколько-нибудь значительное количество людей верит в добродетель Конституции, почему бы им самим ее не подписать, не написать для нее законов и не управлять друг другом согласно этим законам, оставив всех остальных, кто им не мешает, в покое? Пока они сами не попробуют соблюдать Конституцию, как они смеют принуждать других это делать или хотя бы реко-

мендовать ее им? Конечно, причина их нелепого и непоследовательного поведения в том, что Конституция им нужна не ради того, чтобы применять ее честно и легитимно, а ради той бесчестной и нелегитимной власти, которую она им дает над другими людьми и их собственностью. Но чтобы им эту власть за-получить, всех их хвалебных речей во славу Конституции, всех их проповедей и всех тех денег и той крови, что они тратят на ее поддержку, не хватило бы.

#### viii

Если сама Конституция лишена власти, то на какую власть на самом деле полагается наше правительство? На каком основании те, кто говорят, что ее применяют, заявляют о своем праве изымать чужую собственность, ограничивать людей в их естественной свободе действий, промышленности и торговли, а также убивать всех несогласных с их властью распоряжаться собственностью, свободами и жизнями людей так, как им вздумается или захочется?

Большее, что они могут ответить на такой вопрос: что где-то половина, две трети или три четверти взрослых мужчин страны объединены негласной договоренностью о том, что они сформируют конституционное правительство, что они с помощью бюллетеня выберут лиц, которые будут им управлять; и что те лица, которые получают абсолютное или относительное большинство голосов, станут выполнять роль их представителей и применять Конституцию от их имени и их властью.

Но эта негласная договоренность (если мы признаем, что она существует) совершенно не способна оправдать вывод, который из нее следует. Негласная договоренность, достигнутая А, Б и В, что с помощью бюллетеня они назначат Г своим служащим, дабы он лишил меня моей собственности, свободы или жизни, совершенно не дает Г власти так поступить. Он продолжает быть обычным вором, тираном и убийцей, если заявляет, что действует от их лица, каким он был бы, если бы утверждал, что сам полностью отвечает за свои поступки.

В то время как я не обязан признавать в нем своего

служащего, он не имеет права называть себя их служащим, не предоставляя никакого письменного свидетельства за их авторством, в котором это бы сообщалось. Я не должен верить ему на слово в отношении того, кем могут быть его руководители и есть ли они у него. В отсутствие у него удостоверения я вправе заявить, что он просто не наделен той властью, о которой твердит, и, что он, следовательно, собирается ограбить, поработить или убить меня по собственной воле.

Негласная договоренность среди голосующих граждан страны, таким образом, никак не передает власть их служащим. Бюллетени, с помощью которых они выбирают своих служащих, немногим лучше негласной договоренности, поскольку бюллетени они сдают втайне, то есть так, чтобы избежать любой личной ответственности за поступки своих служащих.

Никакая группа людей не имеет права наделить человека властью действовать от их имени в ущерб третьему лицу, если они не делают этого открыто и с документальным подтверждением, дабы понести личную ответственность за его поступки. Голосующие в нашей стране никогда не назначают своих политических служащих каким бы то ни было открытым или документально подтвержденным образом или иным другим образом, который позволил бы им взять на себя ответственность за поступки служащих. Таким образом, эти якобы служащие не имеют права называться служащими. Кто-то должен нести ответственность за поступки этих якобы служащих; и если они не могут показать сколько-нибудь открытых и документально подтвержденных удостоверений от своих руководителей, то они не могут, с точки зрения закона и здравого смысла, утверждать, что у них есть какие-то руководители. Здесь актуальна максима: «То, чего нельзя показать, не существует». Если они не могут показать своих руководителей, их просто нет.

Однако даже эти якобы служащие сами не знают, кем являются их якобы руководители. Последние действуют втайне, поскольку тайное голосование подразумевает ту же степень секретности, как если бы они собирались под покровом ночи на подпольные совещания. И личности их столь же неизвестны служащим, которых они

выбирают, сколь и всем остальным. Ни один якобы служащий, таким образом, не имеет возможности узнать, чьими бюллетенями он избран и, следовательно, кто его настоящие руководители. 86 В отсутствие знания личностей настоящих руководителей у него нет права заявлять, что таковые вообще имеются. В лучшем случае он может заявить, что служит тайной шайке воров и убийц, которых сообщническая честь обязывает поддержать его, если его поступки от их имени наткнутся на сопротивление.

У людей, посвятивших себя борьбе за справедливость в мире, нет причины действовать втайне подобным образом или назначать служащих, за которых они (руководители) отказываются нести ответственность.

Тайное голосование приводит к тайному правительству, а тайное правительство — это тайная шайка воров и убийц. Открытая деспотия и то лучше. Одиноким деспот встает перед лицом всех остальных и говорит: «Государство — это я. Моя воля — закон. Я ваш господин. Я беру на себя ответственность за свои поступки. Я не признаю судьи, кроме меча. Если кто-либо оспаривает мое право, пусть сразится со мной».

Но тайное правительство — это не более чем правительство убийц. При нем человек не знает личностей тиранов, пока те не нанесут удара, а может не узнать и тогда. Он может заранее иметь догадки насчет некоторых своих ближайших соседей. Но достоверно он ничего не знает. Человек, к которому он в первую очередь побежал бы за защитой может в решающий момент оказаться врагом.

Именно такое правительство мы имеем и иного у нас, скорее всего, не будет до тех пор, пока люди не будут готовы сказать: «Мы не согласны ни на какую Конституцию, кроме такой, которую нам не стыдно и не страшно подписать. И мы не позволим никакому правительству делать от нашего лица то, за что мы сами не взяли бы на себя ответственности».

Почему голосования тайные? Вот единственная причина: как любые сообщники, те, кто голосуют таким образом, не друзья, а враги; они боятся раскрыть свою личность и свои личные поступки даже друг другу. Они могут постараться получше наладить коммуникацию, чтобы более успешно организовываться против других лиц, но, помимо этого, они не верят и не симпатизируют друг другу. На самом деле они так же часто грабят друг друга, как и непричастных к их шайке. И все они прекрасно понимают, что сильнейший из них, если до того дойдет, перебьет сотни тысяч остальных (как недавно и произошло) ради того, чтобы их опередить. Оттого они боятся раскрывать свои лица и поступки даже друг другу. Именно это и есть единственное обоснование тайных голосований: ради организации тайного правительства — правительства, состоящего из тайных шаек воров и убийц. И мы настолько безумны, что зовем это свободой! Принадлежать к этой тайной шайке воров и убийц мы считаем привилегией и честью! Без такой привилегии человека считают рабом, а с нею — свободным человеком! С нею его считают свободным человеком, поскольку он обладает властью втайне (тайным голосованием) организовать грабеж, порабощение и убийство другого человека, а тот — такой же властью организовать грабеж, порабощение и убийство уже его самого. И нам говорят, что это равноправие!

Если сколько угодно людей, будь их много или мало, утверждают, что имеют право повелевать народом этой страны, пусть они заключат и подпишут об этом договор друг с другом. Пусть они таким образом раскроют свои личности тем, кем хотят повелевать. И пускай они тем самым возьмут на себя ответственность за свои поступки. Сколько из нынешних сторонников Конституции на такое готовы? Сколько из них готовы заявить о своем праве на власть и взять на себя ответственность за свои поступки? Ни один!

Очевидно, что, исходя из общих принципов закона и здравого смысла, не существует правительства, сформированного на основе или полагающего на какое-то согласие, договор или соглашение, заключенное людьми «народа Соединенных Штатов» между собой; что единственное видимое, осязаемое, несущее ответственность и настоящее правительство, которое может у нас существовать, — это правительство нескольких организованных людей, называющих себя по-разному: сенаторами, представителями, президентами, судьями, федеральными маршалами, казначеями, сборщиками налогов, генералами, полковниками, капитанами и т.д., и т.п.

Исходя из общих принципов закона и здравого смысла, не имеет никакого значения, что эти люди провозглашают себя служащими и представителями «народа Соединенных Штатов», поскольку никакого на то удостоверения от самого народа они показать не могут и никто их не назначал служащими или представителями каким бы то ни было открытым, имеющим юридическую силу образом, и сами они не знают и не могут узнать и доказать личности своих (как они их называют) руководителей и, следовательно, не могут, с точки зрения как закона, так и здравого смысла, доказать, что эти руководители у них вообще есть.

Очевидно также, что если какие-то мнимые руководители и назначили этих так называемых служащих или представителей, то сделали они это втайне (тайным голосованием), чтобы избежать всякой личной ответственности за свои поступки; и что чаще всего эти мнимые руководители выдвигают своих так называемых служащих из самых преступных побуждений, а именно — чтобы те разграбляли собственность граждан и ограничивали их свободу; и что эти мнимые руководители не обладают при этом никакой властью, помимо негласной договоренности между собой, что посадят, расстреляют или повесят всех, кто воспротивится поборам и ограничениям, которым их подвергают служащие или представители этих руководителей.

Стало быть, очевидно, что наше единственное види-

мое и осязаемое правительство состоит из тех, кто провозглашает себя служащими или представителями тайной шайки воров и убийц, которые, прикрывая или заглаживая свои грабежи и убийства, назвались «народом Соединенных Штатов», и которые, под тем предлогом, что они и есть «народ Соединенных Штатов», заявляют о своем праве господствовать, управлять и распоряжаться, как им вздумается, всей собственностью и всеми людьми, находящимися на территории Соединенных Штатов.

# xi

Исходя из общих принципов закона и здравого смысла, клятвы «поддерживать Конституцию», которые дают эти так называемые служители народа, не имеют за собой никакой обязующей силы. Почему? Помимо прочего, по той простой причине, что они не даются никому конкретному. Не существует юридических отношений (как говорят юристы) — то есть взаимного признания, согласия и договоренности — между теми, кто дает эти клятвы и кем-либо еще.

Если я пойду в Бостон-Коммон и в присутствии сотни тысяч людей — мужчин, женщин и детей, — с которыми у меня о том не заключен никакой договор, дам клятву, что я заставлю их соблюдать законы Моисея, Ликурга, Солона, Юстиниана или короля Альфреда, то эта клятва, с точки зрения общих принципов закона и здравого смысла, не имеет за собой никакой обязующей силы. Никакой обязующей силы она не имеет не только потому, что она преступна, но также потому, что она не дана никому конкретному, и, соответственно, мое слово не дано никому конкретному. Она просто брошена на ветер.

Дело не изменилось бы, найдись среди всей этой сотни тысяч человек, перед которыми я дал клятву, две, три или пять тысяч человек, которые втайне — тайным голосованием, постаравшись не дать мне или остальным присутствующим узнать их личности — назначили бы меня своим служащим с властью повелевать, управлять, грабить и, если потребуется, убивать эту сотню тысяч людей. То, что назначили они меня втайне и таким образом, что

я не могу узнать их личности, исключает всякое юридическое отношение между нами и, соответственно, отменяет возможность договора или данного мной слова, поскольку я не способен дать слово 90 в сколько-нибудь легальном смысле чело- веку, чьей личности я не знаю и не могу узнать.

С моей точки зрения, эти две, три или пять тысяч человек — тайная шайка воров и убийц, которая скрытно, чтобы полностью избежать ответственности за мои поступки, назначила меня их служащим и с помощью другого служащего или того, кто им представляется, сообщила мне свои намерения. Но поскольку их личности все еще мне не известны и прозрачного, подлинного договора я с ними не заключал, моя клятва, с точки зрения закона и здравого смысла, не имеет никакой силы в качестве клятвы верности им. А раз клятвы верности я им не давал, я не давал ее никому. Это просто слова на ветер. В худшем случае это клятва верности неизвестной шайке воров и убийц, чьим инструментом для грабежа и убийства других людей я себя таким образом признаю. И, как у всякой клятвы, данной какой-нибудь группе пиратов, воров и убийц, никакой обязующей силы у нее нет. По этой причине клятвы «поддерживать Конституцию», данные членами Конгресса, с точки зрения общих принципов закона и здравого смысла, лишены всякой силы. Они не только сами по себе преступны и, следовательно, недействительны — они также недействительны по той причине, что не даны никому конкретному.

Невозможно утверждать, что эти клятвы в каком бы то ни было легитимном или легальном смысле даны «народу Соединенных Штатов», поскольку ни весь народ, ни сколько-нибудь значительная доля народа Соединенных Штатов никогда не назначали и не утверждали — открыто или тайно — этих людей в качестве своих служащих с целью исполнять закон Конституции. Огромную часть народа — мужчин, женщин и детей — ни разу не спрашивали, и даже не позволяли обозначить в каком-либо формальном виде, открыто или втайне, их выбор или предпочтении по этому вопросу. Ни один из членов Конгресса не может в свою защиту сказать ничего, кроме:

«Я располагаю достаточным для меня доказатель-

ством того, что существует разбросанная по стране группа людей, объединенная непроговоренным согласием, называющая себя “народом Соединенных Штатов”, чья общая цель состоит в том, чтобы контролировать и грабить друг друга и всех остальных жителей страны и по мере их возможностей даже жителей соседних стран, убивать каждого, кто попытается защищать себя и свою собственность от их разбойных захватнических планов. Личности этих людей мне достоверно неизвестны, поскольку никаких бумаг они не подписывают и открытых, подлинных свидетельств своего членства в группе не предоставляют. Их личности неизвестны даже другим ее членам. Они, по-видимому, так же боятся раскрыться своим товарищам, как и кому-либо еще. Поэтому у них обыкновенно нет никакого способа воспользоваться своим членством или обозначить его, кроме как посредством тайной передачи своих голосов, чтобы определенные служащие затем исполняли их волю. Но хотя личности этих людей неизвестны ни друг другу, ни кому-либо еще, в стране существует представление, что участвовать могут исключительно мужчины в возрасте от 21 года. Также известно, что все мужчины, рожденные на территории страны, обладающие определенным цветом кожи и (в некоторых регионах) определенным количеством собственности, и (в некоторых случаях) даже иностранцы могут входить в группу. Но, по всей видимости, обычно не более одной половины, двух третей или в некоторых случаях трех четвертей тех, кто имеет право участвовать, когда-либо используют или доказывают свое действительное членство тем единственным способом, которым они обыкновенно могут пользоваться для доказательства, а именно — тайно отдавая свои голоса за уполномоченных служащих группы. Количество этих тайных голосов, насколько мы можем их посчитать, отчетливо колеблется каждый год, указывая на то, что эта группа является скорее не постоянной организацией, а ограниченным предприятием для тех, кто решает в нем участвовать в течение какого-то времени. Общее число этих тайных голосов, точнее то, что заявляют как их общее число в разных регионах, иногда публикуется. У нас нет никакой возможности установить точны ли эти публикации. Распространены предположения, что в их сборе

часто совершаются серьезные подлоги. Как нам известно, их собирают и пересчитывают определенные люди, назначенные на эти должности тем же самым тайным процессом, которым избираются 92 все остальные члены группы. Согласно докладдам этих сборщиков голосов (за чью честность я, впрочем, поручиться не могу) и всему, что я знаю об общем числе мужчин “в моем округе”, обладающих (как считается) правом голоса, выходит, что половина, две трети или три четверти из них действительно голосовали. Личности проголосовавших людей мне неизвестны, поскольку все было проведено втайне. Но из тайно отданных голосов за так называемого “члена Конгресса”, сборщики сообщают, что я получил большинство, либо по крайней мере больше, чем кто-либо еще. И только благодаря этому назначению я сейчас нахожусь в этом положении, чтобы сотрудничать с другими, подобным образом избранными в других частях страны людьми. Пославшие меня сюда знают, что все избранные таким образом соберутся в городе Вашингтоне и дадут в присутствии друг друга клятву “поддерживать Конституцию Соединенных Штатов”. Под оной подразумевается определенная бумага, составленная восемьдесят лет назад. Никто ее не подписывал, и юридической обязательности договора у нее, по-видимому, нет и никогда не было. Говоря откровенно, мало кто когда-либо ее читал, и уж точно нет сомнений в том, что большинство проголосовавших за меня и за остальных никогда ее не видели и теперь при-творяются, что понимают ее значение. Как бы то ни было, в стране ее часто называют “Конституцией Соединенных Штатов”. И по какой-то причине те, кто послал меня сюда, ожидают, что я и все те, с кем я работаю, пообещаем исполнять ее закон. И я полностью готов дать эту клятву и сотрудничать с остальными, избранными так же, как и я, и тоже готовыми ее дать».

Вот и все, что любой член Конгресса может сказать в подтверждение того, что у него есть избиратели; что он кого-то представляет; что его клятва «поддерживать Конституцию» дана кому-то конкретному или означает, что он дает кому-то слово. У него нет четкого — письменного или иного подлинного — свидетельства (которое потребовалось бы в любом другом деле), что он когда-либо был

назначен представителем кого бы то ни было. У него нет доверенности ни от кого. У него нет юридического знания (требуемого в любом другом деле), которое помогло бы ему идентифицировать хотя бы одного человека из тех, кто заявляет, что назначил его быть своим представителем.

Конечно, его клятва «поддерживать Конституцию», якобы данная этим людям, с точки зрения общих принципов закона и здравого смысла, не дана никому конкретному. Его слово не дано никому конкретному. Если он не выполняет клятвы, ни один человек не сможет встать и сказать ему: «Ты меня предал, ты нарушил данное мне слово».

Никто не может встать и сказать ему: «Я назначил тебя своим законным представителем, чтобы ты работал на меня. Я потребовал, чтобы ты поклялся, что в качестве моего представителя будешь поддерживать Конституцию. Ты пообещал мне, что так и поступишь; теперь же ты нарушил данную мне клятву». Ни один человек не сможет этого сказать.

Ни одно открытое, признанное или несущее ответственность общество или группа людей не может встать и сказать ему: «Мы назначили тебя своим законным представителем, чтобы ты работал на нас. Мы потребовали, чтобы ты поклялся, что в качестве нашего представителя будешь поддерживать Конституцию. Ты пообещал нам, что так и поступишь; теперь же ты нарушил данную нам клятву».

Ни одно открытое, признанное или несущее ответственность общество или группа людей не может сказать ему этого, потому что не существует такого общества или группы людей. Если кто-либо заявляет, что такое общество существует, пусть докажет, если сумеет, из кого оно состоит. Пусть он предоставит, если сумеет, любой открытый — письменный или иной подлинный — договор, подписанный или согласованный этими людьми, который образовывал бы из них общество, объявлял бы миру об их существовании, назначал бы этого человека их уполномоченным служащим, и накладывал бы на них по отдельности или на все общество в целом ответственность за его действия, сделанные по их воле. До тех пор, пока все это не будет предоставлено, никто не может заявить,

что в каком бы то ни было легитимном смысле подобное общество существует или что этот человек является его служащим, или что он когда-либо клялся им или давал им слово.

94

Исходя из общих принципов закона и здравого смысла, ему было бы достаточно сказать каждому человеку и всем заявляющим о себе обществам людей, которые утверждают, что он нарушил данное им слово:

«Я вас никогда не знал. Где ваши доказательства, что вы, будь то по отдельности или все вместе, назначили меня своим законным представителем? что вы когда-либо требовали, чтобы я поклялся, что, в качестве вашего представителя, я буду поддерживать Конституцию? или что я теперь нарушил какое-то слово, которое я вам когда-то дал? Возможно, вы являетесь членами той тайной шайки воров и убийц, что действует втайне; назначают своих служащих тайным голосованием; скрывают свои личности даже от служащих, которых они назначают; и, следовательно, не имеют никакой возможности заявлять, что у них есть служащие; или что хоть один из этих так называемых служащих когда-либо клялся или давал им слово. Я от вас категорически отрекаюсь. Я клялся другим людям, с которыми вы ничего общего не имеете; либо я просто бросал слова на ветер, клялся только самому ветру. Уйдите прочь!»

xii

По тем же причинам клятвы всех остальных так называемых служащих этой тайной шайки воров и убийц, исходя из общих принципов закона и здравого смысла, столь же лишены юридической обязательности. Они не даются никому конкретному; их просто бросают на ветер.

Клятвы сборщиков налогов и казначеев шайки, исходя из общих принципов закона и здравого смысла, не имеют законной силы. Если бы какой-нибудь сборщик налогов, скажем, прикарманил полученные деньги и отказался бы их отдавать, члены этой шайки могли бы ему сказать только: «Ты собрал эти деньги в качестве нашего служащего и на наши цели; и ты поклялся выплатить их

нам, либо тем, кого мы назначим их получить. Ты предал нас и нарушил данное нам слово».

Ему бы было достаточно ответить им:

95

«Я вас никогда не знал. Вы никогда не раскрывали мне своих личностей. Я никогда ни в чем вам лично не клялся. Вы можете быть, а можете и не быть членами той тайной шайки, которые назначают служащих, чтобы те грабили и убивали других людей; но при этом они достаточно трепетно сохраняют свои личности в тайне, как от своих служащих, так от тех, кого они приказывают ограбить. Если вы принадлежите этой шайке, вы ничем мне не доказали, что когда-либо заказали мне грабить других ради вашей прибыли. Я вас никогда лично не знал, и уж конечно никогда вам не обещал, что выплачу вам награбленное. Я грабил по собственной воле и ради собственной прибыли. Если вы полагали, что я настолько глуп, чтобы позволить вам из-под прикрытия тайны орудовать мной, чтобы кого-то грабить; или что я был готов при грабеже лично взять на себя весь риск, а награбленное выплатить вам, то вы весьма туповаты. Поскольку риск при грабеже я целиком взял на себя, я намереваюсь забрать себе всю прибыль. Уйдите прочь! Вы глупцы, не говоря о том, что злодеи. Если я кому и клялся, то точно не вам. Но я никому не клялся. Я просто бросил слова на ветер. Мне так было выгоднее. Это позволило мне добыть искомые деньги, и теперь я намереваюсь оставить их себе. Если вы полагали, что я вам их выплачу, значит вы полагались на знаменитую воровскую честь. Теперь вы понимаете, насколько это надежный гарант. Надеюсь, вы поумнели и больше никогда на нее полагаться не будете. Если я сейчас кому-то чем-то и обязан, то только вернуть деньги тем, у кого я их забрал; но никак не выплатить их злодеям, вроде вас».

xiii

Исходя из общих принципов закона и здравого смысла, клятвы, которые дают иностранцы, когда прибывают и (как это называют) «натурализуются» здесь, лишены всякой законной силы. Они по определению не даются

никому конкретному; поскольку не существует открытого и законного общества, в которое они могут вступить или которому они могут лично поклясться. Поскольку ни один открытый, письменный, 96 законный и добровольный договор не образует общество или организацию под названием «народ Соединенных Штатов», то, исходя из общих принципов закона и здравого смысла, такого общества или организации не существует. И любые клятвы, якобы данные этому обществу, по определению брошены на ветер. Невозможно утверждать, что они адресованы конкретному человеку или группе людей лично, или какому-либо обществу, в которое они входят. Если заявить, что существует негласная договоренность среди доли взрослого мужского населения, по которой они называют себя «народом Соединенных Штатов», и что они организованно подчинят себе остальную часть населения Соединенных Штатов, но при этом их личности и поступки останутся скрытыми тайной, то этого будет совершенно недостаточно, исходя из общих принципов закона и здравого смысла, чтобы доказать существование любого общества или организации вроде «народа Соединенных Штатов», и чтобы доказать, следовательно, что клятвы иностранцев даются этой или подобной организации.

xiv

Исходя из общих принципов закона и здравого смысла, все клятвы, которые с окончания войны дали южане о том, что они будут соблюдать законы Конгресса, поддерживать Союз и тому подобное, лишены законной силы. Такие клятвы не имеют силы не только потому, что их получили путем военного превосходства и под угрозами изъятия имущества или потому, что они идут вразрез с естественным правом человека самому решать, поддерживать ли ему правительство, но также потому, что их не давали никому конкретному. Условно говоря, их дали «Соединенным Штатам». Но если их дали «Соединенным Штатам», их по определению не дали никому конкретному, поскольку, исходя из общих принципов закона и здравого смысла, не существовало никаких «Соединенных Штатов»,

которым можно было бы поклясться. Иными словами, не существовало открытого, законного, согласованного, легитимного общества, корпорации или группы людей под названием «Соединенные Штаты» или «народ Соединенных Штатов», которому можно было бы поклясться. Если кто-то заявит, что такая корпорация существовала, пусть он назовет людей, которые ее составляли и когда и при каких условиях они стали корпорацией. Входили ли в нее г-н А, г-н Б и г-н В? Если так, то где их подписи? Где свидетельства об их членстве? Где записи? Где открытые, законные доказательства? Их нет. Следовательно, и закон, и здравый смысл указывают, что такой корпорации не существовало.

Исходя из общих принципов закона и здравого смысла, каждая корпорация, общество или организованная группа людей, имеющая соответствующий статус корпорации и права корпорации, должна состоять из некоторых известных лиц, которые могут доказать свое членство, предоставив на то легитимные и приемлемые свидетельства. Но ничего подобного нельзя доказать в отношении корпорации или группы людей, называющих себя «Соединенными Штатами». Ни один человек во всех Северных Штатах не может доказать, предоставив сколько-нибудь легитимные свидетельства, которые требуются для доказательства членства в любой другой корпорации, что он сам или кто-либо еще, кого он может назвать по имени, состоит в корпорации или обществе под названием «Соединенные Штаты» или «народ Соединенных Штатов», или, соответственно, что такая корпорация существует. А поскольку существование такой корпорации доказать невозможно, естественно, доказать, что клятвы южан были даны этой корпорации, равно невозможно. В лучшем случае можно утверждать, что они поклялись тайной шайке воров и убийц, которая называла себя «Соединенными Штатами» и пыталась у них клятвы. Однако этого однозначно недостаточно, чтобы доказать какую-либо обязательность этих клятв.

Исходя из общих принципов закона и здравого смысла, клятвы солдат о том, что они прослужат определенное количество лет, что они 98 будут повиноваться приказам вышестоящих офицеров, что они будут служить правительству верой и правдой и так далее, не имеют никакой обязательности. Вне зависимости от того, насколько преступна клятва, что солдат убьет любого, кого ему прикажут убить, не думая и не решая самостоятельно по совести, справедливо ли и необходимо ли это убийство, клятва солдата не несет обязательности по еще одной причине, а именно — как и все остальные вышеупомянутые клятвы, она не дается никому конкретному. Поскольку не существует, в сколько-нибудь легитимном смысле слова, корпорации или нации под названием «Соединенные Штаты» и, следовательно, не существует, в сколько-нибудь легитимном смысле слова, правительства под названием «правительство Соединенных Штатов», солдатская клятва, данная этой нации или правительству, или договор, с ними заключенный, по определению дается или заключается ни с кем конкретным. Следовательно, у этой клятвы или договора нет никакой обязательности.

Исходя из общих принципов закона и здравого смысла, так называемые международные соглашения, которые якобы заключают с другими государствами люди, представляющиеся послами, секретарями, президентами и сенаторами Соединенных Штатов, от имени и в интересах «народа Соединенных Штатов», лишены какой бы то ни было законной силы. Эти так называемые послы, секретари, президенты и сенаторы, утверждающие, что они служат «народу Соединенных Штатов», заключая эти соглашения, не могут предоставить никакого открытого, письменного или иного законного свидетельства, что либо весь «народ Соединенных Штатов», либо какая-то иная открытая, согласованная, ответственная группа людей, так себя называющих, когда-либо наделила этих так

называемых послов и прочих властью заключать международные соглашения от имени — или обязывая кого-либо из — «народа Соединенных Штатов», или что какая-то иная открытая, согласованная, ответственная группа людей, так себя называющих, когда-либо наделила этих так называемых послов, секретарей и прочих, властью от своего имени и в своих интересах признавать определенных лиц, представляющихся императорами, королями, королевами и прочими, в качестве правомерных правителей, суверенов, господ или представителей различных народов, которыми они якобы правят, которые они представляют и обязывают.

Эти, как принято выражаться, «нации», с которыми наши так называемые послы, секретари, президенты и сенаторы якобы заключают международные соглашения, такая же выдумка, как и наша собственная. Исходя из общих принципов закона и здравого смысла, никаких таких «наций» не существует. Иными словами, ни вся английская нация, к примеру, ни любая иная открытая, согласованная, ответственная группа людей, так себя называющих, никогда не заключала никакого открытого, письменного или иного законного договора между собой, и никакого подлинного, легитимного общества или организации не образовывала, и никакого короля, королеву или иного представителя не наделяла властью заключать от своего имени международные соглашения или обязывать себя этими соглашениями как по отдельности, так и в целом.

Из этого следует, что, поскольку наши так называемые соглашения не заключаются с какими-либо легитимными или подлинными нациями или их представителями, и с нашей стороны их заключают лица, не наделенные легитимной властью выступать от нашего имени, они обладают не большей законной силой, чем так называемое международное соглашение, заключенное между Человечком с Луны и королем Плеяд.

Исходя из общих принципов закона и здравого смысла, долги, взятые от имени «Соединенных Штатов» или «на-

рода Соединенных Штатов», не имеют силы. Невероятной глупостью было бы заявить, что долги на суммы в два с половиной миллиарда долларов обязывают тридцать пять или сорок миллионов 100 человек, в отсутствие всяких легитимных доказательств — которые были бы необходимы, чтобы установить наличие частного долга — в отношении даже кого-то одного из них, что он или его законный представитель по доверенности когда-либо обещали выплатить хотя бы цент.

Совершенно ясно, что ни весь народ Соединенных Штатов, ни какая-либо его часть никогда не давали личных обещаний выплатить хотя бы цент из этих долгов.

Совершенно ясно также, что ни весь народ Соединенных Штатов, ни какая-либо его часть, никогда не объединялась в компанию, корпорацию или общество под названием «Соединенные Штаты» или «народ Соединенных Штатов» по какому-либо открытому, письменному или иному законному и добровольному договору, и не наделяла своих служащих властью брать долги от своего имени.

Совершенно ясно и то, что компании, корпорации или общества под названием «Соединенные Штаты» или «народ Соединенных Штатов», образованной по какому-либо открытому, письменному или иному законному и добровольному договору и располагающей корпоративной собственностью для уплаты этих долгов, не существует.

Как же возможно в таком случае, исходя из общих принципов закона и здравого смысла, что долги, лично не обязывающие никого, могут обязывать сорок миллионов человек коллективно, если, исходя из общих и легитимных принципов закона и здравого смысла, у этих сорока миллионов человек нет и никогда не было никакой корпоративной собственности? и если они никогда не заключали никаких договоров ни лично, ни от лица корпорации? и если они не имеют и никогда не образовывали корпорации?

Кто же тогда взял эти долги от имени «Соединенных Штатов»? По большей мере, это было несколько человек, называющих себя «членами Конгресса» и т.п., которые заявляли, что представляют «народ Соединенных Штатов», но на деле представляли только тайную шайку воров

и убийц, которая хотела денег, чтобы продолжать свои грабежи и убийства, которыми они на тот момент и занимались; которые планировали, посредством грабежа и угрозы убийства (а также собственно убийства, если потребовалось бы), вымогать у будущих граждан Соединенных Штатов средства на уплату этих долгов.

Эта шайка воров и убийц, которые были настоящими организаторами решения брать эти долги, действует втайне, поскольку ее члены ни разу не заключали открытого, письменного, согласованного или иного законного договора, который раскрыл бы их личности миру или хотя бы друг другу. Их настоящих или подложных представителей, взявших эти долги от их имени, выбрали для этой цели (если их вообще выбирали) втайне (тайным голосованием), так, чтобы не образовалось улики ни на одного из организаторов по отдельности, и так, чтобы личности организаторов оставались неизвестными и их якобы представителям, которые взяли эти долги от их имени, и тем, кто предоставил деньги. Таким образом, деньги были выданы и заняты во тьме; то есть людьми, которые не видели лиц друг друга и не знали имен друг друга, не могли тогда и сейчас установить личности других организаторов сделки, и, следовательно, не могут подтвердить заключение договора с другими организаторами.

Более того, эти деньги были выданы и заняты в преступных целях; а именно — для совершения грабежей и убийств; и по этой причине договор сам по себе не имел никакой силы; и не имел бы ее, даже если бы его стороны, кредиторы и заемщики, встретились лицом к лицу и заключили договоры открыто, под собственными именами.

К тому же у этой тайной шайки воров и убийц, которые и были настоящими заемщиками этих денег, не образовав никакой корпорации, не имеется никакой корпоративной собственности для выплаты этих долгов. Они, конечно, утверждают, что владеют большими участками неосвоенной земли между Атлантическим и Тихим Океанами и между Мексиканским Заливом и Северным Полюсом. Но, исходя из общих принципов закона и здравого смысла, они с тем же успехом могли бы утверждать, что владеют самими океанами, Атлантическим и Тихим, или атмосферой и солнечным светом и с тем же успехом

могли бы ими пользоваться для погашения этих долгов.

Не имея никакой корпоративной собственности, чтобы выплатить по счетам, которые выдаются за корпоративные долги, эта тайная 102 шайка воров и убийц, на деле, — банкроты. Им нечем заплатить. В действительности они собираются выплачивать свои долги исключительно из своей добычи от последующих грабежей и убийств. Они признаются, что больше им рассчитывать не на что, и их кредиторам это было известно на момент выдачи денег. Таким образом, тот факт, что выплата долга произойдет за счет добычи от последующих грабежей и убийств, фактически входил в договор. И во всяком случае это точно лишило договор всякой силы с самого начала.

На самом деле, эти два как бы отдельных класса, заемщики и кредиторы, принадлежат к одному и тому же классу. Они занимали и выдавали деньги сами себе и сами у себя. Они не только составляли значительную часть, но и являлись самым сердцем той тайной шайки воров и убийц, которая занимала и тратила эти деньги. Каждый из них вложился в общее дело; взамен они получили так называемые корпоративные гарантии на частные ссуды. Единственная возможная для них причина брать корпоративные гарантии от тех же лиц, которые выдают им частные ссуды, в том, чтобы у шайки была видимость повода продолжать грабежи (на выплату долгов корпорации) и чтобы у них была возможность вычислить, кому из них полагается какая доля награбленного в будущем.

Наконец, если эти долги брались в самых невинных и честных целях, и самым открытым и честным образом настоящими участниками договоров, эти участники не смогли бы обязать ими никого, кроме самих себя, и ничьей собственностью не могли бы распоряжаться, кроме своей. Они не смогли бы никого обязать в будущем и никакой собственностью, которая появилась бы или перешла бы впоследствии другим лицам, не смогли бы воспользоваться.

Поскольку Конституцию никогда не подписывали и поскольку не существует другого открытого, письменного или иного законного договора между кем бы то ни было, который бы давал основание поддержанию так называемого правительства Соединенных Штатов, и поскольку хорошо известно, что никто, кроме мужчин двадцати одного года и старше, не имеет права голоса в правительстве, и поскольку также хорошо известно, что многие из них никогда или почти никогда не пользуются этим правом, а те, кто голосует, делают это втайне (тайным голосованием), скрывая свой собственный голос либо от мира, либо друг от друга, и, следовательно, не дают ответственности за поступки их служащих или представителей лечь ни на кого — учитывая все эти вещи, встают следующие вопросы: Кто составляет действительное правительство этой страны? Кто те ответственные люди, которые крадут у нас нашу собственность? Которые лишают нас свободы? Подчиняют нас своей капризной власти? И разоряют наши дома, и расстреливают нас сотнями тысяч, если мы сопротивляемся? Как нам найти этих людей? Как отличить их от всех остальных? Как нам защитить себя и свою собственность от них? Кто из наших соседей входит в эту тайную шайку воров и убийц? Как нам узнать, которые из домов принадлежат им, чтобы мы могли их сжечь или снести? Какая собственность принадлежит им, чтобы мы могли ее уничтожить? Как узнать их личности, чтобы мы могли их убить и избавить мир и себя от этих тиранов и чудовищ?

Ответы на эти вопросы необходимо найти, чтобы люди смогли стать свободными; чтобы они смогли защититься от этой тайной шайки воров и убийц, которые ныне грабят, порабащают и уничтожают их.

Ответ на эти вопросы в том, что только те, у кого есть сила воли и власть застрелить своих братьев, являются настоящими господами этой, как и всех остальных (так называемых) цивилизованных стран, поскольку никто иной не сможет ограбить или поработить цивилизованных людей.

В обществе дикарей человеку достаточно одной физической силы, чтобы ограбить, поработить или убить

другого. В обществе варваров дисциплинированной и организованной группе людей достаточно одной физической силы, пусть у них почти и нет денег и иного богатства, чтобы при определенных условиях ограбить, поработить или убить другую группу людей того же или даже большего числа, чем они сами. В обществе дикарей и варваров человек может просто захотеть продать себя в рабство другому. Но в случае с так называемыми цивилизованными людьми, для которых знание, богатство и организованная работа стали распространенными явлениями; которые изобрели такие виды оружия и оборонной техники, что лишили обычную физическую силу бывшего значения; у кого и солдат, и прочих орудий войны в необходимом количестве всегда можно купить за деньги, — в случае таких людей вопрос войны и соответственно вопрос власти есть лишь вопрос денег. Естественное следствие этого: те, кто готовы эти деньги предоставить, и являются настоящими правителями. Так дело обстоит в Европе и так оно обстоит в нашей стране.

В Европе те, кого называют правителями, императоры, короли, парламенты, даже близко не стоят к настоящим правителям их стран. Они всего лишь инструменты, которыми пользуются богачи для грабежа, порабощения и (если понадобится) убийства тех, у кого богатства меньше или нет совсем.

Ротшильды и весь класс кредиторов, который они представляют и которому служат, — люди, ни разу не задумывавшиеся о том, чтобы дать займы шиллинг соседу по улице для целей честного производства, если к ссуде не прилагается прочнейшая гарантия и наибольшая процентная ставка — стоят в вечном карауле, готовые дать бесконечное количество денег займы тем самым ворами и убийцам, которые зовутся правительствами, чтобы те их потратили на пули для несогласных тихо смириться с грабежом и рабством.

Они выдают свои деньги таким образом, зная, что те будут потрачены на убийство их собратьев лишь за то, что те шли к своей свободе и правам; дают деньги, зная, что и проценты, и основная сумма выплачены будут исключительно благодаря вымогательству под страхом повторения убийств, на которые были выданы ссуды.

Эти кредиторы, например, Ротшильды, говорят себе: «Если мы дадим сто миллионов стерлингов займы королеве и парламенту Англии, они смогут убить двадцать, пятьдесят, а то и сто тысяч людей в Англии, Ирландии или Индии; и ужас, произведенный таким огульным кровопролитием, позволит им держать народы этих стран в узде еще двадцать или даже пятьдесят лет; управлять всей торговлей и производством, и вымогая у них несметное количество денег посредством налогообложения; и из всего этого добытого вымогательством богатства, они (королева и парламент) смогут платить нам больший процент по выданным займам, чем мы можем достать где бы то ни было еще. Или мы можем дать эту сумму займы австрийскому императору, что позволит ему перебить такое количество своих людей, что все остальные будут в ужасе, а значит и в узде и вымогать у них деньги еще двадцать или пятьдесят лет». То же самое они говорят о российском императоре, короле Пруссии, императоре Франции или любом другом так называемом правителе, который, как они считают, будет способен, убив значительную долю своего народа, удерживать остальных в узде и вымогать у них деньги в течение долгого срока, чтобы выплатить полученную сумму с процентами.

Но почему эти люди настолько готовы выдавать деньги на убийства своих собратьев? По одной причине: такие ссуды считаются лучшими вложениями, нежели ссуды на честное производство. За них дают большие проценты и за ними проще следить. Вот и все.

Вопрос выдачи таких ссуд для этих кредиторов ограничен вопросом материальной выгоды. Они выдают ссуды на грабеж, порабощение и убийство других людей только потому, что такие ссуды в среднем приносят больше дохода, чем прочие. В людях этих нет уважения к человеку, глупости и суеверия, благоговения перед монархом. Король или император значит для них так же мало, как и нищий, разве что первых они предпочитают в качестве клиентов, поскольку те предлагают им лучшие проценты на выдаваемые кредиты. Если они сомневаются, что монарх может успешно убивать с целью сохранения своей власти и, соответственно, продолжать вымогать деньги у своего народа, они бесцеремонно прогоняют его, как прогнали бы любого

безнадежного банкрота, который хотел бы занять денег, чтобы спастись от абсолютной неплатежеспособности.

Когда эти великие менщики окровавленных денег, вроде Ротшильдов, выдают 106 подобным образом огромные суммы на убийства императору или королю, они распродают выкупленные ими облигации по чуть-чуть, всем и каждому, кто готов приобрести их по удовлетворительной цене в качестве вложений. Они (Ротшильды) таким образом немедленно получают свои деньги обратно с огромной прибылью и готовы вновь выдавать ссуды любому вору и убийце, зовущемуся императором или королем, который, как они считают, будет успешно воровать и убивать и сможет достойно заплатить им за их деньги, чтобы они могли продолжать.

Бизнес выдачи окровавленных денег взаймы — одно из самых гнусных, безжалостных и преступных предприятий, когда-либо проводившихся людьми в сколько-нибудь значительном масштабе. Это все равно что выдача денег работоторговцам или обычным вора и пиратам в ожидании получения прибыли из награбленного ими. А люди, которые выдают деньги взаймы так называемым правительством, чтобы те могли грабить, порабощать и истреблять свои народы, принадлежат к худшим злодеям, которых наша Земля когда-либо носила. И они так же заслуживают быть пойманными и убитыми (если иначе с ними разобраться не получится), как любой другой работоровец, вор или пират.

Когда эти так называемые императоры и короли получают свои ссуды, они нанимают и обучают невообразимые армии профессиональных убийц, зовущихся солдатами, и платят им за расстрел любого, кто не желает платить им деньги. На самом деле большая часть из них держит значительное количество таких убийц при себе постоянно, в качестве единственной меры поддержания своих вымогательств. Насколько мне известно, на данный момент так называемые суверены Европы содержат около четырех или пяти миллионов таких профессиональных убийц. Порабощенные народы вынуждены, естественно, поддерживать и оплачивать их службу, а также повиноваться всем остальным вымогательствам, за которые этим убийцам платят.

Только это удерживает большинство так называемых правительств Европы у власти. Эти так называемые правительства в действительности являются всего лишь огромными шайками воров и убийц, организованных, дисциплинированных и постоянно готовых к драке. А так называемые суверены в этих различных правительствах — просто главари или вожди различных шайек воров и убийц. Эти главари или вожди зависят от выдающих окровавленные деньги кредиторов, чтобы обеспечивать свои грабежи и убийства. Они бы ни секунды не продержались сами без ссуд, которые эти кровавые ростовщики им выдают. И первая их забота — поддержание хорошей кредитной истории, ведь они знают, что конец веры кредитора в них означает конец их самих. Поэтому первая прибыль с их вымогательств неукоснительно направляется на оплату процентов по ссудам.

Помимо уплаты процентов по облигациям, они позволяют их держателям владеть огромными банковскими монополиями, как в случае с банками Англии, Франции и Вены, при условии, что эти банки предоставят деньги по первому требованию, как только внезапно понадобится перестрелять больше людей. Возможно также, что посредством таможенных тарифов на определенные товары они создают огромные монополии в определенных секторах производства, куда включены сами кредиторы кровавых денег. Кроме того, путем неравного налогообложения они частично или полностью освобождают от налогов имущества этих ростовщиков, восполняя издержки за счет тех, кто слишком слаб и беден, чтобы сопротивляться.

Стало быть, очевидно, что все эти люди, называющие себя пышными титулами императоров, королей, суверенов, монархов, христианских величеств, католических величеств, высочайших всемогуществ, наиветнейших и великих князей и т.п., которые заявляют, что правят «Божией милостью», по «божественному праву» — то есть по особому мандату Небес — по сути своей являются не просто нижайшими негодьями и подлецами, занятыми исключительно грабежом, порабощением и убийством других людей, но также и ничтожнейшими паразитами, раболепными, подбострастными, зависимыми подхалимами, орудиями тех кровавых ростовщиков, на которых

они полагаются, чтобы обеспечить себя деньгами и продолжить преступления. Эти ростовщики, вроде Ротшильдов, смеются в рукав и думают: «Как омерзительны существа, что называют себя императорами и королями, и величествами, и великими светлостями и великими князьями, и говорят о своих коронах и тронах, и наряжаются в ленточки и перышки, и в драгоценные камни; и окружают себя нанятыми льстецами и лизоблюдами; существа, которым мы позволяем расхаживать, растопырив ладони для поцелуев, и воображая себя суверенами и законотворцами над глупцами и рабами, будто ставленники самого Господа Всемогущего. Эти существа, что выставляют себя единственными источниками чести, добродетели, богатств и власти, — все эти негодяи и самозванцы знают, что это мы сажаем их на трон, это мы их используем; что в нас они живут, движутся и находят свое естество; что мы требуем от них (в качестве оплаты за их положение) брать на себя весь труд, все риски и всю ненависть за те преступления, что они совершают ради нашей прибыли; и они знают, что мы скинем их с трона, отберем все их погремушки и пошлем побираться или отдадим мстительной толпе, которую они порабощали, стоит им только отказаться совершить какое-нибудь преступление, которое мы от них потребуем, или выплатить нам ту долю награбленного, которую мы посчитаем нужным запросить».

xix

То, что происходит в Европе, также по большей части, происходит в нашей стране. Разница несущественна и состоит она в том, что в нашей стране у этих воров и убийц, называющих себя «правительством», нет главаря или вождя. Иными словами, нет такого человека, кто звал бы себя государем или даже императором, королем, сувереном, — никого, кто заявлял бы, что сам он и его дети правят «Божией милостью» и по «божественному праву», по особому мандату Небес. Есть только определенные лица, зовущие себя президентами, сенаторами и представителями и заявляющие, что они — уполномоченные на определен-

ный срок или на некоторый небольшой период времени служители всего «народа Соединенных Штатов». При этом они не могут показать никаких удостоверений или доверенностей, или любых иных открытых и законных свидетельств, что они таковыми являются, на самом деле таковыми, как известно, не являясь, и служа лишь тайной шайке воров и убийц, личности которых даже сами не знают и узнать не могут, но которые, как верят эти служители, открыто или тайно поддержат их в кризисную пору во всех их злоупотреблениях и преступлениях.

Важно отметить, что эти так называемые президенты, сенаторы и представители, представляющиеся служащими всего «народа Соединенных Штатов», как только их поборы встретят сколько-нибудь осязаемое сопротивление какой-либо доли самого «народа», вынуждены немедленно, как и их коллеги по грабежу и убийству в Европе, семенить к кредиторам, выдающим окровавленные деньги, за средствами удержания себя у власти. И занимают деньги они по той же схеме и на те же цели, а именно — чтобы расстреливать весь тот «народ Соединенных Штатов» — своих собственных избирателей и повелителей, как они сами их якобы называют, — всех, кто сопротивляется грабежу и порабощению, которым клиенты кредиторов их подвергают. И если они и собираются выплачивать ссуды, то только из богатства, которое им предстоит награть у тех, кого они называют своими господами, что, как они ожидают, будет долгие годы легко им даваться, если у них получится несколько сотен тысяч из них перестрелять, тем самым вселив ужас в остальных.

Возможно, ни в какой другой стране никогда не было столь очевидно, что настоящие правители — бездушные кровавые ростовщики, что правят они из самых гнусных и корыстных побуждений, что видимое правительство — так называемые президенты, сенаторы и представители — всего лишь орудия в их руках и что ни в коем случае не уважение или представление о справедливости и свободе побуждают их выдавать кредиты на войну. В доказательство всего этого рассмотрим следующие факты.

Почти сто лет тому назад мы провозгласили, что избавились от суеверного убеждения, внушенного раболепным и продажным европейским духовенством, что так

называемые правители получают свою власть напрямую от Небес и что повиноваться им таким образом — духовный долг народа. Мы давно провозгласили свое понимание, что правительство 110 может существовать только благодаря свободе выбора и добровольной поддержке тех, кто решит его поддержать. Мы давно провозгласили свое понимание, что единственные легитимные задачи правительства — это поддержание свободы и справедливости в равной степени для всех. Все это мы провозглашали на протяжении почти ста лет. А еще мы заявили о своем презрении и жалости к тем невежественным, суеверным и поработленным народам Европы, которых с такой легкостью держали в узде обманы и побои их священников и королей.

Несмотря на все то, что мы понимали, узнавали и провозглашали в течение почти целого века, эти менщички окровавленных денег на протяжении долгих лет перед войной выступали соратниками рабовладельцев в деле сворачивания правительства с пути свободы и справедливости в сторону величайших из преступлений. Соратниками они выступали исключительно из корыстных побуждений, а именно — ради управления рынками Юга, то есть ради возможности держать самих рабовладельцев в зависимости от промышленников и торговцев Севера (которые впоследствии предоставили средства для войны). А эти северные торговцы и промышленники, эти менщички кровавых денег, были готовы продолжать сотрудничество с рабовладельцами из тех же самых корыстных побуждений. Но рабовладельцы, то ли сомневаясь в верности своих союзников с Севера, то ли исполнившись уверенности в собственной способности удержать рабов в узде без помощи северян, перестали платить ту цену, которую эти северяне требовали. А именно с целью принудить их платить эту цену и дальше — то есть с целью захватить монопольный контроль над рынками Юга — эти северные промышленники и торговцы отдали часть своей прибыли в долг на нужды войны, чтобы в будущем обеспечить себе такие же или даже большие монополии. Вот какие побуждения — а ни в коем случае не любовь к свободе и справедливости — подталкивали к выдаче кредитов на войну, которую вел Север. Одним словом, Север сказал рабства-

дельцам: «Если вы не заплатите нашу цену (не дадите нам контроль над вашими рынками) за нашу помощь против ваших рабов, мы обеспечим себе эту цену (сохраним за собой контроль над вашими рынками) и поможем вашим рабам с вами бороться, используя их как орудие для сохранения господства над вами; и контроль над вашими рынками мы заполучим вне зависимости от того, будут орудия черными или белыми, и от того, кровью или деньгами это будет оплачено».

Исходя из этого принципа и из этого побуждения — а не из какой-то любви к свободе или справедливости — колоссальные суммы денег выдавались под колоссальные проценты. И только с помощью этих ссуд цели войны были достигнуты.

И вот теперь менщики кровавых денег требуют оплаты долга, и так называемое правительство становится орудием в их руках, их раболепным, покорным, скверным орудием для вымогательства оплаты у трудящихся поработенных людей Севера и Юга. Эти средства будут вымогать всеми возможными — прямыми, косвенными, неравными — налогами. Оплатить придется не только сам долг и проценты по нему, какими бы колоссальными они ни были; кредиторы требуют еще и сверх того — возможно, в два, в три или в четыре раза больше — в виде тарифов на импорт, которые позволят производителям устанавливать высокие цены на свои товары, а также в виде банковских монополий, которые позволят им удерживать контроль над промышленностью и торговлей огромной части самих северных штатов и тем самым поработить и разграбить их. Иными словами, промышленное и торговое рабство большей части народов Севера и Юга, черных и белых, — это плата, которую требуют, на которой настаивают и которую намерены получить менщики окровавленных денег в качестве возврата займов, которыми они оплатили войну.

Организовав и распланировав всю эту программу, они вручили свой меч главному палачу этой войны и приказали ему воплотить ее в жизнь. И вот он от их лица говорит: «Мы хотим мира».

Вот что это значит: «Смириться со всем тем грабежом и рабством, что мы вам приготовили, и тогда получите “мир”. Но если будете сопротивляться, те же самые крова-

вые ростовщики, которые предоставили средства на укрощение Юга, вновь предоставят средства для укрощения вас».

Вот единственные 112 условия, на которых наше правительство и за редкими исключениями вообще любое правительство предлагает своему народу «мир».

С точки зрения тех, кто предоставил деньги, вся эта история зиждилась на запланированной программе грабежа и убийства: не только для захвата монопольного контроля над рынками Юга, но также монополии на валюту, а следовательно, и на промышленность с торговлей, а еще для грабежа и порабощения рабочих как Севера, так и Юга. А Конгресс с президентом сегодня представляют собой лишь орудия для достижения этих целей. Они обьязаны ими быть, поскольку знают, что их власть в качестве так называемых правителей кончается, как только у кровавых ростовщиков кончается вера в них. Они подобны банкроту в руках вымогателя. Они не смеют отказаться выполнять любое требование, выдвинутое им. А чтобы разом скрыть, если выйдет, свое раболепие и свои преступления, они пытаются отвлечь общественное внимание восклицая, что они «упразднили рабство!», что они «спасли страну!», что они «сохранили наш славный Союз!» и что, выплачивая теперь «национальный долг», как его называют (как будто сами люди, которых обложат налогом ради его выплаты, действительно добровольно заключили договор на его выдачу), они всего лишь «оберегают национальную гордость!»

Под «обереганием национальной гордости» они имеют в виду только то, что сами они, воры и убийцы, полагают себя нацией, и что они сохраняют веру тех, кто предоставил им суммы, необходимые для поправления огромной части народа; что из прибыли от дальнейших грабежей и убийств они старательно приберут к рукам достаточно, чтобы выплатить по всем ссудам как основные суммы, так и проценты.

Лживое заявление, что «упразднение рабства» было задачей или причиной войны,— обман того же характера, что и «оберегание национальной гордости». Кто, как не тираны, воры и убийцы, которыми они сами и являются—

ся, изначально учредили рабство? Какое правительство, кроме полагающегося на меч, как то, что мы имеем сейчас, когда-либо могло бы обеспечивать рабовладение? И зачем эти люди упразднили рабство? Не из какой-то общей любви к свободе, не ради справедливости для черного человека, но исключительно в качестве «военной меры» и поскольку хотели заручиться поддержкой от него и его друзей в ведении войны, которую развязали ради поддержания и упрочнения того политического, торгового и промышленного рабства, которому подвергли огромную долю людей — как черных, так и белых. А теперь эти самозванцы кричат, что они упразднили личное рабство черного человека — хоть задача войны была и не в этом, — будто полагают, что таким образом смогут сокрыть, отмолить или оправдать то второе рабство, за сохранение, закрепление и ужесточение которого они боролись. Не было никакой качественной разницы — была лишь разница в степени — между тем рабством, упразднением которого они хвастаются, и тем рабством, за сохранение которого они боролись, поскольку всякие ограничения естественной свободы человека, не обязательные для сохранения справедливости, одной природы с рабством и различаются только степенью.

Если бы их задачей действительно было упразднение рабства или защита свободы и справедливости в целом, им было бы достаточно сказать: «Каждый, белый или черный, кто хочет защиты нашего правительства, ее получит; а всех, кто ее не хочет, оставят в покое, если они оставят в покое нас». Если бы они это сказали, рабство упразднилось бы само собой моментально, и в результате возник бы союз в тысячу раз благороднее нашего. Это был бы добровольный союз свободных людей, такой союз, какой однажды образуется между всеми людьми по всему миру, если несколько так называемых наций когда-нибудь избавятся от тиранов, воров и убийц, именуемых правительствами, что ныне грабят, порабащают и уничтожают их.

Еще один обман этих людей состоит в том, что сейчас они образуют, — и что война была проведена с целью образовать — «правительство по согласию». Единственная идея правительства по согласию, которой они когда-либо соответствовали, — это правительство, на которое каж-

дый должен согласиться под страхом получить пулю. Это была основная идея, согласно которой велась война; и это основная идея сейчас, когда мы имеем так называемый «мир».

114

Их заявления, что они «спасли страну» и «сохранили наш славный Союз», лживы, как и все остальные их заявления. Под ними они понимают только, что им удалось подчинить и сохранить свою власть над того не желавшим народом. Это они называют «спасением страны», будто у поработщенного и подчиненного народа — или у любого народа, который держат в узде кнутом (как со всеми нами и планируют поступить) — есть какая-то своя страна. Это же они называют и «сохранением нашего славного Союза», как будто какой-то Союз, славный или бесславный, вообще может существовать, не будучи добровольным. Будто может быть какой-то союз между господином и рабом, между захватчиками и покоренными. Все эти возгласы об «упразднении рабства», о «спасении страны», о «сохранении союза», об образовании «правительства по согласию» и об «оберегании национальной гордости» — мерзкие, бессовестные, очевидные уловки — очевидные настолько, что никого не должны обвести вокруг пальца, когда их произносят в оправдание войны или в одобрение победившего в войне правительства, или для того, чтобы заставить народ платить цену войны, а также заставляя всех и каждого поддержать правительство, которого те не хотят.

Урок, который можно из всего вышесказанного извлечь, таков: до тех пор, пока человечество продолжит платить так называемые «национальные долги», то есть до тех пор, пока люди останутся глупцами и трусами и будут платить за то, что их обманывают, обворовывают и убивают, — до тех пор будут и деньги, которые для этих целей выдают займы. И с этими деньгами множество орудий, называемых солдатами, может быть применено, чтобы удерживать людей в узде. Но как только они наконец откажутся оплачивать обманы, воровство, рабство и убийства, их господами немедленно перестанут быть мошенники, тираны, воры, убийцы и кровавые ростовщики.



Так как Конституция не была подписана и ни один человек не соглашался заключать подразумевавшийся под нею договор, следовательно, она никогда ни для кого не имела юридической обязательности, как не имеет ее сейчас. Более того, сама ее природа означает, что невозможно ожидать от кого-либо согласия на заключение этого договора, кроме как со штыком у горла. Посему ее действительное юридическое значение не столь важно. Как бы то ни было, автор полагает важным отметить, что, по его мнению, Конституция представляет собой не тот документ, которым ее обыкновенно воображают, и что только

благодаря ложным прочтениям и откровенным извращениям правительству удалось<sup>117</sup> стать на практике чем-то очень отчетливо и совершенно иным, нежели то правительство, что уже дозволено текстом самой Конституции. Автор написал уже достаточно и мог бы написать гораздо больше, чтобы это доказать. Но вне зависимости от того, чем является или не является Конституция, можно быть уверенным в одном: она либо дозволила то правительство, свидетелями которого мы являлись, либо была бессильна его предотвратить. В любом случае в ее существовании нет смысла.

- 1 см. «Номер второй — Конституция» в этом издании.
- 2 Пусть это даже и «лучшее правительство в мире», доказывает ли это его добродетель или только нечестивость всех остальных правительств?
- 3 Те самые люди, которые ее написали, не подписывали ее никоим образом с целью взять на себя обязательства и заключить договор. И никто из них, скорее всего, никогда бы сам ее не подписал с целью взять на себя обязательства и заключить договор.
- 4 Я лично изучил своды законов следующих Штатов: Мэн, Нью-Гэмпшир,

Вермонт, Массачусетс,  
Род-Айленд, Коннектикут,  
Нью-Йорк, Нью-Джерси,  
118 Пенсильвания,  
Делавэр, Виргиния,  
Северная Каролина, Юж-  
ная Каролина, Джорджия,  
Флорида, Алабама, Мисси-  
сипи, Теннесси, Кентукки,  
Огайо, Мичиган, Индиана,  
Иллинойс, Висконсин,  
Техас, Арканзас, Миссури,  
Айова, Миннесота, Не-  
браска, Канзас, Невада,  
Калифорния и Орегон,  
и нашел, что во всех этих  
штатах английский статут  
был введен в закон, иногда  
с поправками, но они обыч-  
но расширяли его примене-  
ние, и теперь он в силе.

Ниже приведены некоторые положения ста-  
тута в Массачусетсе:

- \* Иски не будут возбуждаться в любом из следующих случаев:
- \* По данному обещанию о возмещении долга, невыполнения долговых обязательств или проступка другого лица;
- \* По договору о продаже земель, построек, унаследованного имущества или любых начислений с них или полученных в связи с ними; или
- \* По соглашению, которое не будет выполнено в течение года с момента его заключения;

\* Если обещание, договор или соглашение, по которому подан иск, либо письмо или за-  
119 писка о них не предоставлены в письменном виде с подписью ответчика или лица, получившего от ответчика на то доверенность...

\* Никакой договор на продажу товаров, изделий или продукции на стоимость в пятьдесят долларов или более не будет иметь юридической силы, если покупатель не примет и не заберет часть продаваемых товаров, или не даст что-либо взамен с целью заключить сделку или в качестве частичной оплаты; или в случае, если какой-либо памятки или расписки о сделке не представлено в письменном виде с подписью ответчика или лица, получившего от ответчика на то доверенность.

- 5 И эти две трети голосов  
могут означать только две  
трети кворума, то есть  
две трети большинства,  
а не две трети всего числа  
голосующих.
- 6 Какова ощутимая ценность  
для человека в том, что он  
сам по себе имеет право  
голоса при выборе своих  
государственных господ?  
Его голос — всего лишь  
один из миллионов.

# ЭГАЛИТЕ

дизайн      Юлия Наташа  
перевод      Борис Грызунов  
редактура      Никита Белобородов  
Александр Мигурский

люди, без которых выход этой книги был бы невозможен

Иван Миков, Максим Розов, Роман Зави-  
таев, Qjg, Илья Барныч, Алексей Р., Артем Г.,  
Павел Ч., Эрик Л., Александр Алхимов, Рус-  
лан Ибраимов, Татьяна Кутина, Григорий  
Хмеленко, Александр Трунин, Анастасия  
С., Дарья Паулова, Александр Лесневский,  
Борис Каморзин, Виталий Тибилов, Białko  
Śimir, Mariya Mariya, Андрей Гунько, Федор  
Ломосков, Валерия Косякова, Владислав Ще-  
голев, Максим Силин, Сергей Прокофьев,  
Борис Федюкин, Masha Gurova, Екатери-  
на Зятева, Oleg Geranin, ика эссен, Pavel  
Zolotarev, SadlyThatsJustTheWayThingsAre,  
Артём Криворученко, Саша Шевцова, Нико-  
лай Стародубцев, Maximilian, Иван Болды-  
рев, Alina Beliaeva, Владимир Зибцев, Nadzeya  
Naurotskaya. Отдельная благодарность Ваню-  
ше и деду, а также всем тем, кто по разным  
причинам пожелал остаться неизвестными.

для обратной связи  
egalitemagazine8@gmail.com

все новости издательства Эгалите можно узнать в наших социальных сетях  
[https://t.me/editorial\\_egalite](https://t.me/editorial_egalite)

<https://www.facebook.com/editorialegalite>

[https://www.instagram.com/editorial\\_egalite/](https://www.instagram.com/editorial_egalite/)